

Колдовские Миры

СЕМЬ ГОРНЫХ ВОРОНОВ

ВАНДА АЛХИМОВА

Колдовские миры

Ванда Алхимова

Семь горных воронов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алхимова В.

Семь горных воронов / В. Алхимова — «Эксмо»,
2018 — (Колдовские миры)

Семь братьев из рода Воронов не ладят между собой, но все меняется, когда в королевство Тамврот приходит война. Теперь у всех лордов-Воронов общая цель: выжить во враждебном мире, узнать тайну могущественной горной ведьмы – их матери, найти королевских дочерей и вернуть им трон. Соперничество и ненависть, любовь и отчаяние – все перемешалось в сердцах братьев, и ни один из них не знает, удастся ли ему уцелеть в огне битв и буре пробуждающейся древней магии. Смерть или победа – третьего не дано.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алхимова В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ванда Алхимова

Семь горных воронов

Глава 1

Нет хуже дорог для карет, чем горные. Лошади ступают неровно, колеса потряхивает, и так просто сползти с сиденья на пол. Женщина, сидевшая на обшитом бархатом сиденье, поморщилась, когда карету в очередной раз трянуло: колесо снова налетело на камень.

– Что? – резко обернулась она на своего спутника, молодого мужчину с длинными черными волосами. Тот молча дернул плечом. Лицо его, изуродованное грубым шрамом на лбу, оставалось бесстрастным.

Светло-серые, льдистые глаза женщины ярко сверкнули.

– Я не буду ездить верхом, когда есть карета. Дело не в удобстве, дело в статусе.

– Я не спорю, миледи, – ответил ее спутник приятным низким голосом.

– Тогда прекрати на меня смотреть! – отрезала женщина, снова отворачиваясь к окну.

Карета, покачиваясь, ползла по дороге. Взгляд женщины скользил по горам, покрытым лесами. Зеленый массив разрезали водопады и скальники. Красота мрачная, но завораживающая.

– Вчера пришло письмо от твоего старшего брата, – сказала женщина.

– Ты из-за него не спала всю ночь? – спросил мужчина.

– А ты из-за чего не спал? – женщина развернулась, встряхнув своими роскошными темно-русыми волосами. – Подпевал воронам на башне?

– Вороны по ночам спят, – ответил мужчина.

– Ты дерзишь. – Глаза женщины сузились и нехорошо заблестели.

– Нет, миледи, ты ошибаешься, – мужчина оставался спокойным.

– Я просила наедине называть меня матушкой.

Женщина откинулась на спинку сиденья.

– Да, матушка, я помню.

Мужчина смотрел на нее все с тем же отсутствующим выражением лица.

– Из всех моих сыновей ты всегда был самым чутким, – задумчиво провела пальцем по губам женщина. – Наверное, потому, что ты младший. Послезавтра мы едем в столицу, – сухо сказала она. – Ты, я и оба твоих брата. Хотя стоило бы этих идиотов оставить дома.

Некоторое время они ехали в молчании, а потом сын спросил:

– Как давно ты была в столице?

– В последний раз – десять лет назад, когда ездила туда с твоими старшими братьями, – раздраженно ответила женщина.

– Тебе не нравится там, – заметил сын.

– Потому что мое место здесь, в горах, во владениях твоего отца. Я не люблю уезжать отсюда надолго. Горы и народ нельзя оставлять без хозяйской руки. Будь моя воля, я бы никогда не покидала Твердыню. Но твой отец был другом короля, а король живет в Тамвроте.

– Можно я спрошу? – Сын теперь смотрел прямо на нее, и выражение его лица стало живым и осмысленным. Мать сделала короткий ободряющий жест рукой. – Почему ты не взяла себе второго мужа?

– Думаешь, после того, как я семь лет подряд рожала твоему отцу Воронов, я хотела продолжения? – Мать побледнела, и губы ее скривились. – Раздвигать ноги, пускать в себя сопящее, воняющее пивом животное? Вечно таскать огромный живот, а потом корчиться в муках, валяясь в собственной крови, орать, как свинья под ножом, и все – ради чужой похоти?

Я родила твоего старшего брата через девять месяцев после замужества, и каждый год замок оглашал очередной писк нового Ворона. И так продолжалось долгих семь лет, до самой смерти твоего отца. И знаешь что? Мне вполне хватило вас семерых.

– Ты нас не любишь. И никогда не любила, – спокойно сказал сын. – Но я всегда хотел спросить еще об одном: почему меня ты ненавидишь меньше моих братьев? Потому что я последний?

– Нет. – Мать прикусила губу, внимательно глядя сыну в глаза. – Потому что ты меньше всех похож на своего отца.

Спуск закончился, и пошла пологая дорога. Карета въехала в большое селение, где имелись даже двухэтажные нарядные дома. В центре располагалась широкая площадь.

– Откуда столько народу? – поморщилась мать. – Останови, я хочу посмотреть, что происходит.

Сын высунулся и велел вознице осадить лошадей. Мать тоже выглянула в окно. Ветер трепал прядки у висков, выбившиеся из ее сложной прически.

Оказалось, толпа собралась вокруг высокого помоста, сложенного из грубых необработанных камней. Над площадью лилась песня. Ровный сильный голос выводил слова простой народной припевки.

– Это поет Серебряное горлышко, – объяснил сын. – Дочь кузнеца.

– С каких это пор тебе есть дело до дочерей кузнецов? – быстро обернулась к нему мать.

– Просто о ней все говорят. Говорят, ее песни заставляют больных забывать о боли, влюбленных – о любви, дети перестают плакать, а старики снова чувствуют себя молодыми.

– А ты слышал ее? – прищурилась мать, явно что-то прикидывая в уме.

– Нет, – равнодушно ответил сын. – Она поет для людей на площадях, а не для волков в горах, где я обычно охочусь.

– Если она так хороша, как славят, возьми ее с собой в столицу.

– Зачем? – поднял бровь сын.

– Затем, что надо всегда удивлять и производить впечатление чем-то необычным. Пойди и послушай. Если она действительно хороша, привези в замок. Иди уже, надоел.

Мать снова откинулась на спинку сиденья, прикрыв глаза. Сын покорно вылез из кареты, подошел к привязанному сзади мощному вороному, отвязал, запрыгнул в седло и тронул конские бока шенкелями. Карета покатила дальше, а всадник стал медленно пробираться через толпу.

На постаменте пела девушка: тонкая, хрупкая, невысокая. Миловидное лицо ничем особенным не отличалось, глаза были закрыты, а собранные в девичью косу русые волосы блестяли на солнце. Голос лился, как серебряный горный ручей. Конь замер, а всадник прикрыл глаза. На площади воцарилась тишина, и только голос звенел, набирая силу и разносясь далеко вокруг.

Младший Ворон осторожно пустил коня вперед, мягко раздвигая толпу. Его пропустили к самому помосту – теплый храп коня почти коснулся подола шерстяного синего платья певицы.

Ворон слушал незамысловатую песню охотника, заблудившегося в лесу и умоляющего лесных духов отпустить его, иначе жена и дети умрут от голода. Всадник погрузился в глубокую задумчивость. Взгляд его затуманился, на лицо легла тень. В тишине он слушал серебряный голосок, выпевающий простые, но проникающие в самую душу слова. Некоторые женщины вокруг всхлипывали, утирая лица передниками. Охота была частым промыслом здешних мужчин. Пожалуй, половина присутствующих кормила ею свои семьи.

Серебряное горлышко завершила песню, поклонилась и открыла глаза, взглянув прямо в лицо всаднику. Младший Ворон вздрогнул: пронзительно-синий взгляд ослепил, поразил так, что сердце на короткий миг замерло в груди. Девушка испуганно попятилась, она не ожидала

увидеть перед собой младшего сына грозной миледи Воронов. Всадник встряхнулся, подался вперед, ловко ухватил девушку за талию и быстро притянул к себе. Певица вскрикнула, толпа взволновалась.

Но Младший Ворон сохранял полную невозмутимость. Обвел глазами подданных своей матери, и в этом взгляде было столько уверенности и власти, что кулаки разжались, а головы склонились.

Толпа раздалась, снова пропуская коня, и Ворон выслал его в легкий галоп. Девушка вздрогнула всем телом, плечи ее поникли. Сидела, боясь шевельнуться и подать голос. Когда деревня осталась позади и потянулась горная дорога, Ворон притормозил своего жеребца, переведя того на шаг. Подковы звонко цокали о камни.

Всадник смотрел на русский затылок девушки, собираясь с мыслями. Мучительно хотелось начать разговор, но с чего? Рука его, обвивающая талию певицы, чувствовала, как та напряжена. Девушка боялась, ее даже слегка трясло.

– Хорошо поёшь, – хрипло сказал Младший Ворон. – В столицу с нами поедешь.

Девушка вздрогнула и обернулась, глядя снизу вверх своими большими глазами.

– Зачем?

Голос у нее оказался приятным, нежным, звонким.

– Миледи Воронов понравилось, как ты поешь. Хочет удивить столичных франтов, – пояснил Младший.

Девушка не ответила, но заметно побледнела и потянулась рукой к воротнику платья в неосознанном нервном жесте.

– Боишься ее? – спросил Младший и чуть улыбнулся.

– Да, – опустила ресницы Серебряное горлышко.

– Я и сам ее боюсь, – доверительно поведал Младший, слегка наклонившись. – И остальные братья тоже.

– Вы смеетесь?

Девушка снова вскинула на него глаза.

– Правду говорю, – еще шире улыбнулся Младший. – Сама увидишь.

– Вас я тоже боюсь, – призналась девушка, слегка краснея. – Вас все боятся.

– А меня-то почему? – рассмеялся Младший. – Ладно мои старшие братья – Дикий и Красный Вороны. Но я же вроде никому ничего плохого не сделал...

– Вы – Ворон, – уклонилась от ответа девушка. – И потом, вас часто видят охотники в горах... Ну и всякое рассказывают...

– Ладно, как угодно, – пожал плечами Младший. – Но ты меня можешь не бояться. Как тебя зовут? Серебряное горлышко – это же прозвище?

– Меня зовут Эйнли. – Девушка снова украдкой посмотрела на своего похитителя. – Я бы хотела...

– Да? – переспросил Младший.

– Отец расстроится, когда узнает, что вы забрали меня, – покраснела Эйнли. – Будет беспокоиться, а он уже немолод...

– На днях отвезу тебя домой, все расскажешь, обещаю, – сказал Младший, ласково посмотрев на нее. – После того как миледи Воронов решит, что с тобой делать.

Конь бодро шел по дороге, звенели стремена, над горами гасло небо, а впереди вставала Твердыня Воронов – высеченный в скале неприступный замок со множеством башен. Он казался причудливым миражом, внезапно открывающимся взору путника среди суровых скал и диких гор.

– Никогда не была так близко, – пробормотала Эйнли и вдруг прижалась к груди Младшего. – Я боюсь...

– Не бойся, – подбодрил ее Ворон. – Я с тобой и пока еще тебя не съел. Даже не укусил.

Эйнли стиснула губы, чтобы не рассмеяться, и отодвинулась как можно дальше, насколько это вообще возможно в седле. С одной стороны, ей было очень боязно, с другой – молодой сын миледи Воронов все больше и больше завладевал вниманием девушки. Она украдкой рассматривала правильные черты его лица, чистую кожу и – особенно – страшный шрам на лбу, который против воли притягивал ее внимание, хотя Эйнли старалась не подавать виду.

– Если тебе интересно, это меня орел разодрал, – сказал вдруг Младший. – Я полез в гнездо, хотел птенца стянуть, ну и получил по полной. Хорошо, глаза сохранил.

– Я вовсе не хотела... – отчаянно покраснела Эйнли.

– Конечно, хотела! – фыркнул Младший. – Первое, что всех интересует, это шрам. Кроме него, у меня и посмотреть-то не на что. Так что проще самому рассказать, чем видеть все эти взгляды. Когда так смотрят, сразу ясно становится.

– Простите...

– За что? – улыбнулся Младший. – За то, что у меня шрам на лбу?

Тем временем конь подошел к подвесному мосту из толстенных бревен, перекинувшись над пропастью, где клубился туман. Ворон поторопил жеребца, и копыта зацокали по мосту.

Эйнли подняла голову, когда они въехали в ворота: из нависающего высокого свода выглядывала подъемная решетка, оканчивающаяся острыми толстыми зубьями. Девушка поежилась и едва не заплакала.

За стеной открывалась площадь, на противоположном конце которой поднимался сам замок. Башни переплетались галереями-проходами, вокруг стен из серого камня вились узкие улочки. К башням жались домики из тех же серых камней.

Ворон провез Эйнли через небольшую площадь, походя кивая встречающимся воинам и слугам, проехал сквозь еще одну арку и остановился посреди узкого двора, перед входом в сам замок. Высоченные, окованные железом стрельчатые двери были открыты. Ворон легко спрыгнул с седла, бросил поводья конюху и осторожно снял девушку, бережно опустив ее на серые камни.

– Пойдем, – поманил он Эйнли за собой.

Дочь кузнеца робко пошла за Вороном, озираясь по сторонам. Туда-сюда сновали слуги, косясь на нее, но не задавая вопросов.

Младший привел ее в высокий зал, где в центре пылал огромный очаг, а по стенам висели расшитые золотом и серебром гобелены и шелковые драпировки. Зал казался очень пышным, торжественным, красивым и... неудобным. У Эйнли защипало в носу, и она обняла себя руками за плечи.

Стояло несколько пустых столов. Вдоль стен тянулись лавки и сундуки. В центре на небольшом возвышении – деревянное кресло из гладко отполированной древесины. К спинке кресла крепились два высоких деревянных насеста, на которых замерли искусно выкованные из бронзы вороны. Выгнув голову, один смотрел на двери, второй грозно распахнул двухметровые крылья. А на троне сидела миледи Воронов, прекрасная, холодная и молодая, хотя уже двадцать лет прошло с того момента, как Аодх Ворон ввел ее под эти своды как свою невесту. Она равнодушно скользнула взглядом по робкой фигурке и спросила сына:

– Она того стоит?

– Думаю, да, миледи, – почтительно склонился перед матерью Младший.

– Спой, – велела миледи, откидываясь на спинку кресла.

Эйнли вздрогнула и покосилась на Младшего, словно ища защиты. Тот шепнул губами, и Эйнли угадала название песни. Синие глаза Младшего смотрели тепло. Это придало девушке сил, она собралась с духом и запела. Высокий звонкий голос разнесся под каменными сводами, поднимаясь выше и выше.

– Хватит, – прищелкнула пальцами миледи. – Голос есть. Но ничего особенного. Только на деревенской площади и распевать. В столице этим никого не удивишь...

– Мне отвезти ее обратно? – быстро спросил Младший.

Эйнли едва заметно вздрогнула от радостной надежды.

– Что? – холодно посмотрела на него мать. – С чего это?

Младший молчал.

– Отведи ее к женщинам, – велела мать. – Скажи леди Маргарет, чтобы позанималась с девчонкой, пусть подготовит ее для двора. И заодно обучит пению. Все, иди.

Младший Ворон жестом пригласил растерянную Эйнли следовать за ним и повел девушку по бесконечным переходам. Лестницы, лестницы, лестницы... Эйнли запуталась сразу и безнадежно.

Младший остановился у толстой деревянной двери, из-за которой доносились женские голоса. Постучал и сразу же распахнул створки.

Эйнли увидела большую светлую комнату, в которой сидело около двадцати девушек. Они пряли, вязали, ткали и... пели. Заправляла всем дородная женщина в сером шелковом платье. Ее сложную прическу скрывал отрез дорогой полупрозрачной ткани.

– Леди Маргарет, это Эйнли, дочь кузнеца, – обратился к ней Младший. – Миледи велела обучить ее манерам и пению. Она поедет с нами ко двору.

– Как угодно моей миледи, – поклонилась Маргарет, ощупывая цепким взглядом трясущуюся фигурку.

– У меня тоже есть одна просьба, – вдруг сказал Младший и демонстративно положил тяжелую руку в охотничьей перчатке на хрупкое плечо. – Я прошу вас помочь Эйнли освоиться.

– Да, лорд Младший Ворон, – снова поклонилась Маргарет, растягивая губы в улыбке. – Я позабочусь.

Младший кивнул испуганной девушке и вышел. Дверь за ним захлопнулась, и Эйнли осталась одна среди незнакомых женщин.

Глава 2

Младший Ворон вернулся в зал. Миледи все еще сидела на троне и играла со свернувшейся на коленях кошкой. Серая проказница отбивалась быстрыми лапками от руки миледи, но коготки из подушечек не выпускала.

– Ты, как я погляжу, тоже поддался чарам кузнецовой дочки, – усмехнулась мать. – Немного же вам всем надо, чтобы голову потерять. Невинное личико, чистый взгляд, сладкий голосок, и готово.

– Миледи, вы сами просили привезти ее, – напомнил Младший.

– Просила, – согласилась миледи, прищутив глаза и глядя куда-то в пустоту. И замолчала.

Младший постоял немного, а потом спросил:

– Я могу идти? Хочу попасть в избушку на Волчьем выгоне до темноты.

– Никуда ты не поедешь, – вдруг отрезала мать. – Я запрещаю тебе покидать замок. До отъезда неделя, не хватало потом вас по горам ловить! Тебя и твоих братьев-идиотов. Найди их и скажи, что я не разрешаю улетать из гнезда. И ты тоже останешься дома.

– Они не обрадуются, – заметил Младший.

– А мне наплевать на них обоих.

Миледи поднялась с трона, ставя точку в разговоре. Кошка проворно скатилась на пол и улепетнула в угол.

Младший поклонился матери и отправился на поиски старших братьев. Хотя разница в возрасте между ними была совсем небольшой (год и два), братья не дружили. Зато за последние годы Красный и Дикий Вороны спелись между собой.

Отсутствие старших братьев, которых король десять лет назад вытребовал в столицу и приставил к службе, делало Дикого и Красного старшими мужчинами в роду, оставшимися в замке. Красный был пятым сыном, Дикий – шестым. Красный унаследовал цепкий, проницательный ум матери, силу отца и темно-рыжую шевелюру. И неизвестно от какого предка – вкрадчивую манеру общения и умение понравиться любому незнакомому человеку.

Дикий Ворон был его полной противоположностью: больше всего он любил драки и бешеную скачку по опасным горным дорогам. Обладая взрывным характером, непокорным и упрямым нравом, шестой Ворон перессорился почти со всеми обитателями замка и приобрел дурную славу у простого народа. Его не любили и боялись. Впрочем, Красного Ворона боялись не меньше – за лисье коварство и мстительность.

По долгой витой лестнице, в полутьме, Младший поднялся в Восточную башню: ее облюбовал себе Дикий Ворон, которому нравилось смотреть на восходящее солнце из небольших окон. Дикий первым встречал солнце, первым поднимался на ноги, несмотря на то что братья часто кутили едва не до рассвета. Но если Красный потом валялся в постели до полудня, то Дикий, казалось, совсем не нуждался во сне и отдыхе.

У двери Младший остановился и прислушался: Дикий что-то раздраженно говорил. Громкий, резкий голос отражался от каменных стен. В башне подслушивать их было некому, и Младший в который раз подумал, что, возможно, именно поэтому Дикий и выбрал себе такое неудобное место обитания.

Потом голос Дикого затих и раздался мягкий, вкрадчивый голос Красного Ворона. Судя по интонации, он в чем-то убеждал брата. Младший постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел.

Дикий Ворон, в кожаной черной куртке и таких же штанах, стоял в центре комнаты, стискивая огромные кулаки. Черные спутанные волосы падали ему на лицо, из-под них бешено сверкали серые глаза. На ногах красовались высоченные сапоги для верховой езды.

Из угла послышалось ворчание, и огромный серый волкодав Дикого поднялся было на ноги, но, признав гостя, тяжело улегся обратно.

– Чего надо? – набросился Дикый на брата. – Какого демона тебя принесло сюда? Тебя звали? Спустить бы с лестницы, чтоб не подслушивал!

– Братишка, не обращай внимания, – перебил Красный Ворон, развалившийся на лавке. Тонкие губы улыбались, но серые глаза смотрели холодно. Если бы не волосы, он был бы точной копией матери. Но красота миледи странно преломилась в его чертах, истаяла. Красный Ворон был довольно привлекательным мужчиной, в то же время что-то в его лице настораживало и даже отталкивало. – Наш дорогой братец сегодня снова не с той ноги встал. Видишь, как у него дым из ноздрей идет?

– Хватит! – в бешенстве обернулся к нему Дикый. – Я не желаю ехать в столицу! Не желаю смотреть на нашего короля, чтобы его тролли задрали! Не желаю нюхать дворцовую вонь!

– Сколько эмоций, – фыркнул Красный. – Уймись. Давай-ка послушаем, что принес наш младший братишка.

– Миледи запретила нам покидать замок до отъезда в Тамврот, – сухо сообщил Младший.

Глаза Дикого вспыхнули бешенством. Он заревел и со всей силы пнул скамью, которая отлетела и с грохотом врезалась в стену. Со стола слетела тарелка с обглоданными костями. Они раскатились по полу, и одну тут же стянул оживившийся волкодав.

– Ты слышал?! – в ярости обернулся Дикый к брату. – Эта ведьма боится, что мы сбежим!

– Ну, насчет тебя у нее есть основания для опасений, – склонил голову к плечу Красный. – А вот почему она запретила развлекаться нашему младшему братику... Своему милому любимчику...

– Рад был видеть, – сказал Младший и вышел, едва сдерживаясь, чтобы не грохнуть дверь.

Он имел шестерых братьев и мать, но всегда чувствовал себя круглым сиротой. Да, мать не выказывала к нему такой явной неприязни, как к другим сыновьям, но все равно держалась холодно и отчужденно.

Седьмому брату, как младшему, доставалось меньше почета и уважения от слуг и соседей, от вассалов и крестьян. Младший Ворон рос одиноким, замкнутым и скрытным. Он любил пропадать в горах на охоте или просто изучать труднодоступные ущелья и высокие кручи.

Младший знал горы вокруг замка как свои пять пальцев на много миль окрест: все потайные тропинки, плоскогорья, перевалы и пропасти. Иногда младший сын лорда Ворона сам себе казался парящей над скалами птицей – той, чьи черные глаза зорко караулят малейшее движение внизу. Так черный крылатый силуэт почти неподвижно висит в лазури небес настолько долго, что кажется такой же неотъемлемой частью пейзажа, как солнце и снежные вершины. А потом вдруг камнем ныряет вниз.

Синие глаза Младшего лорда были такими же зоркими, как у пернатых хищников. Он приучил себя смотреть на солнце не щурясь и попадать в цель из лука за семьсот с половиной ярдов. Его охотничий лук отличался от обычных горских: был в два раза тяжелее и мощнее.

В отличие от своих братьев, Младший также умел владеть мечом и щитом. Жители гор мечи не любили: боевые топоры, палицы и луки гораздо удобней в горных лесах. Мечи считались оружием равнин, и к ним здесь относились с легким презрением.

Но Младший Ворон никогда не шел за стадом, как говаривала его кормилица. Он стащил из оружейной старинный меч, принадлежавший еще отцу Аодха, раздобыл учебник фехтования и упражнялся на безлюдных полянках до посинения. Фехтуя тяжеленным мечом, Младший воображал себя победителем драконов, великим рыцарем, чья слава облетела весь мир. В действительности он был ужасно застенчивым, до такой степени, что предпочитал почти всегда отмалчиваться, и долгое время братья его вообще держали за дурачка. И ошибались.

День прошел в хлопотах: миледи Воронов собиралась в столицу, а потому все силы замка были направлены на это грандиозное событие.

На закате мать приняла сыновей в парадном зале. Сидя на своем престоле, миледи отдавала указания и наставления каждому.

– Я запрещаю тебе выказывать недовольство и ввязываться в ссоры, – говорила миледи Дикому сыну.

– Понял, – буркнул тот, пряча глаза.

– Я не потерплю от тебя капризов, – добавила мать, глядя на него холодными глазами. – Никаких криков, язвительных замечаний и грубостей. Веди себя так, как положено высокородному. Ты слишком много возился с чернью и окончательно отбилась от рук. Здесь это не имело никакого значения, но в столице ты будешь олицетворять собой наш род.

– Помимо меня есть еще шестеро, удостоенных подобной высокой чести, – съязвил Дикий.

– Закрой рот, – с расстановкой произнесла мать, – иначе я тебя накажу. Я ясно выражаюсь?

– Да, миледи, – сразу покорился Дикий, почтительно склонив голову. Он слишком хорошо знал мать и понимал, когда та гневается всерьез.

– Теперь ты. – Миледи жестко посмотрела на сына. – Твой ум будет полезен. Я не видела с твоими братьями десять лет и не могу доверять им так, как тебе. Поэтому от тебя требуется держать глаза и уши открытыми, делиться со мной своими соображениями. Больше разговаривай со старшими братьями, а потом приходи ко мне и передавай все, что они скажут. Даже то, что может показаться незначительным.

– Не думаю, что они пустятся в откровения, миледи, – пробормотал Красный. – Я их почти не помню, да и они меня тоже.

– Поначалу да, – кивнула миледи. – Но ты умеешь расположить к себе, втереться в доверие и выведать то, что у других на уме. Запомни: доверять нельзя никому, кроме меня. И даже если у тебя появится искушение поставить на другую лошадь, помни: выигрыш не всегда ко благу.

Красный смотрел на миледи, словно что-то прикидывая в уме. Власть этой женщины над ними была велика. Сыновья не просто боялись матери – они перед ней благоговели.

– Итак, через неделю мы выезжаем, – продолжила миледи. – Я бы просила вас помочь с отъездом, а не слоняться без дела по горам и лесам. Горы никуда не денутся до вашего возвращения.

Братья дружно закивали.

– Миледи... – подал голос Младший.

– Да?

– Вы не сказали, что делать мне, – напомнил он.

– Ничего, – отрезала мать. – Твое дело помалкивать, красоваться на коне да вежливо улыбаться всем, кто того стоит.

Младший кивнул. Сказанное вполне укладывалось в его представление о том, как мать определяет его место в их вороньей стае.

Неожиданно в зал зашел замковый управляющий Эрик – высокий грузный мужчина с растрепанной полуседой гривой и тщательно причесанной бородой.

– Миледи, – почтительно поклонился он хозяйке. – Там... Ну, словом... Там явился...

– Хватит мямлить, – раздраженно бросила миледи. – Что еще стряслось?

– Там пришел лесоруб, – мрачно сказал Эрик. – И желает предстать перед вами. Он приходит уже третий день подряд, и хотя я уже велел вытолкать его взашей, это не отбило у него охоты надоедать знатным людям. Стоит у ворот и бубнит, что каждый подданный имеет право предстать перед своей миледи или лордом, коли у него есть до них важное дело.

– Пусть идет сюда, – приказала миледи. – Почему вы его не пускаете, раз он так напрашивается?

– Ну, он же неотесанный совсем, – покраснел Эрик. – Какой-то мужлан с горного хутора. В шубе, от которой псиной воняет. Мы подумали, что вам, миледи, не до этого сейчас.

– Раз он хочет меня видеть, значит, ему это действительно нужно, – вспыхнула миледи. – Немедленно приведите!

Эрик поклонился и исчез. Спустя некоторое время за дверью послышались тяжелые шаги. Миледи с любопытством уставилась на двери. Сначала вошел Эрик, за ним – двое дюжих слуг, между которыми вышагивал настоящий великан. Он на голову возвышался над рослыми мужчинами. Очень молодой, совсем мальчишка, даже борода толком не выросла.

Спутанные каштановые волосы падали на широченные медвежьи плечи. Простое, но чистое лицо с огрубевшей от солнца и ветра кожей выражало упрямство. Тяжелые черты и нависающие над глазами брови странно гармонировали с по-мальчишески пухлыми губами. Одет посетитель был в волчьей шкуры, а на плече покоился тяжеленный топор на длинной рукоятке. Внешность лесоруба произвела на всех такое впечатление, что на некоторое время в парадном зале воцарилась тишина.

Даже в этом зале, повидавшем самых суровых мужчин, рослая фигура лесоруба смотрелась непривычно, и все вокруг вдруг словно съезжилось и уменьшилось, потеряв торжественность и величественность.

– Мой поклон моей госпоже, – низким, но неожиданно приятным голосом сказал лесоруб, ловко опускаясь на одно колено перед престолом, на котором замерла опешившая от удивления миледи Воронов.

– Приветствую тебя, – очнулась та. – Поднимись и скажи, что привело простого работника в мой замок.

Тут лесоруб густо покраснел и так же проворно поднялся на ноги. Он был столь высок, что смотрел миледи почти прямо в глаза, хотя стоял на полу, а она восседала на престоле.

– Я пришел служить тебе верой и правдой, – бухнул лесоруб, краснея все гуще и гуще. Видно было, что он растерян, смущен, сбит с толку и готов сквозь землю провалиться.

Миледи снова не сразу нашлась с ответом. Несколько секунд она смотрела на это чудо природы, а потом, хмыкнув, ответила:

– Ну что ж, это, конечно, похвальное желание... Но я, как ты знаешь, не испытываю нужды в слугах. И потом, что ты собираешься делать в замке?

– Ну-у... – Лесоруб окончательно потерялся. Он уставился в пол, втянул голову в плечи и выдавил: – Н-наверное, я бы мог колоть дрова для очагов...

Красный Ворон не выдержал и фыркнул, а Дикая закатил глаза. Младший вообще не понимал, почему мать не прекратит эту нелепую комедию.

– Ну вот, я же говорил, что он слабоумный! – воскликнул Эрик. – Уперся, как рогом в лужу: пустите меня к госпоже, я должен ей служить... А ничего больше мы от него так и не добились.

– Тихо, – подняла ладонь миледи, у которой вдруг странно заблестели глаза. – Как тебя зовут?

– Ройле, – все так же глядя в пол, назвался лесоруб.

Миледи так и впилась взглядом в его лицо:

– Скажи, Ройле, а почему ты решил прийти в замок, чтобы служить мне лично?

– Потому... – Ройле вдруг снова опустился на одно колено, словно отдавая себя на милость своей госпоже. Это была поза полной покорности и смирения перед судьбой. – Потому что я... Вы не прогневайтесь, но я... Оно случайно так вышло... Я ель рубил, а тут... Это... Ну, я и... Я н-не хотел его... Не рассчитал... Я не думал, что так выйдет...

Поскольку миледи терпеливо слушала это сбивчивое бормотание, остальные тоже молчали. Бедный Ройле совсем запутался, начал заикаться, но потом вдруг стиснул кулаки и выдал:

– Я убил тролля.

В третий раз парадный зал застыл в гробовой тишине. С лиц Красного и Дикого братьев схлынула краска, Эрик дернулся, как от пощечины.

– Ах ты, грязный... – начал было Дикий Ворон, медленно багровея от ярости.

– Молчать! – Звонкий голос миледи прозвучал как удар кнута. – Что ты сделал, Ройле?

– Я убил тролля, – прошептал лесоруб, опускаясь на второе колено и склоняя голову почти до пола.

– Эрик, – повернула голову к мажордому миледи, – Ройле останется в замке. И будет прислуживать лично мне. Отведи его в людскую, отмойте, переоденьте и накормите. И через три дня он поедет с нами в столицу. А сейчас убирайтесь все отсюда вон, и если кто попытается раскрыть рот...

Желающих испытывать судьбу не нашлось. Зал опустел почти мгновенно, и Эрик осторожно прикрыл двери снаружи.

Братья посмотрели вслед мажордому, за которым удалился их новый домочадец.

– Иногда я... – начал было Дикий, но тут же оборвал себя, сплюнул на пол и быстро зашагал по коридору прочь.

– Мой милый младший братик, – пропел Красный Ворон, неожиданно и сильно обхватив плечи Младшего правой рукой.

Он крепко притиснул его к себе, все еще глядя вслед лесорубу.

– Помнишь ли ты чудесные сказочки, что рассказывала нам кормилица? – вкрадчиво спросил Красный, изображая братские объятия, от которых у Младшего закрипели ребра. Тот стиснул зубы и промолчал. – Так вот, в одном старинном поверье, что гуляет по нашей местности, говорится: ежели кто убьет тролля, то вместо него обязан служить горной ведьме до конца дней своих, – мелодично, нараспев сказал Красный, прижимая к себе Младшего щекой так, что тот невольно зашипел от боли. – Чудесная сказка, правда?

Красный вдруг чмокнул Младшего, с точным расчетом поцеловав воздух возле его щеки, но не саму щеку, а потом резко отпихнул. Тот отлетел и ударился плечом о стену. А Красный Ворон пустился догонять Дикого.

Младший потер плечо и покачал головой. Мысль о поездке в столицу уже не казалась ему настолько плохой.

Глава 3

Прелестная девочка, почти девушка, в расшитом мелким жемчугом платье из золотистого шелка быстро бежала вниз по крутой винтовой лестнице. Она сильно запыхалась, мягкие каштановые кудри растрепались, на щеках алел румянец. Лестница находилась в самом глухом углу замка и вела с Угловой башни прямо в винные погреба: в ту отдаленную часть, где хранились всякие древние бутылки и куда почти никто не заглядывал.

Угловую башню тоже мало кто жаловал своим вниманием: делать там было совершенно нечего, потому что наверху гулял ветер, проникающий через узкие смотровые окошки, да гнездились вороны, галки и совы. Там было грязно, пыльно, холодно и скучно – в чем на собственном опыте и убедилась девочка, когда тишком забралась на башню.

Теперь она торопливо бежала вниз, чтобы никто не узнал о ее проделке. Неожиданно нога в атласной мягкой туфельке поскользнулась на каменной ступени, девочка вскрикнула и покатила вниз. К счастью, она была уже почти в конце лестницы, а потому отделалась только ушибами и синяками.

Но с ногой дело обстояло хуже: девочка болезненно сморщилась, потирая отекающую лодыжку. Из глаз полились слезы, в носу защипало. Было очень больно и обидно. Всхлипывая, она комкала подол платья и не знала, что делать дальше. Кричать и звать на помощь не позволяли манеры и страх перед воспитательницами, а подняться и наступить на ногу было страшно: вдруг сломана?

Девочка молча глотала слезы, утирая глаза чумазой ладошкой. Жалобные всхлипы громко звучали в тишине узкого коридора. Вдруг девочка вздрогнула: с другой стороны галереи послышались шаги. Кто-то быстро шел сюда и непременно должен был обнаружить девочку в самом недостойном виде. Так и случилось: из сумрака прохода вынырнул высокий, белый как лунь мужчина. Его лицо и руки отличались мертвенной бледностью, волосы были белее снега, а глаза – настолько светлыми, что казались бесцветными. Увидев девочку, мужчина замер. В свою очередь, она в страхе смотрела на него большими голубыми глазами и дрожала.

– Принцесса Лорна? – наконец заговорил мужчина. – Что с вами случилось?

– Добрый день, лорд Белый Ворон, – трясущимися губами выговорила принцесса. – Я бежала вот по этой лестнице и упала. Кажется, немного подвернула ногу.

Альбинос присел на корточки, и теплые осторожные пальцы ошупали лодыжку девочки. Прикосновение было мягким и очень приятным. Лорна перестала всхлипывать и с любопытством рассматривала мужчину: ей никогда еще не приходилось видеть загадочного Белого Ворона так близко. Лорна обнаружила, что даже ресницы и брови у него белые, почти прозрачные, лицо, если не обращать внимания на неестественную бледность, довольно миловидное, а выражение светлых глаз – доброе и застенчивое. Если присмотреться, становилось видно, что радужка вокруг зрачка все-таки чуть отликает голубым цветом.

– Принцесса, могу вас заверить, что с ногой все в порядке, – обратился к ней Ворон. – Всего лишь небольшой ушиб. Но вижу, вам больно. Лучше пока не нагружать мышцы. Если позволите, я отнесу вас в ваши покои.

Лорна заколебалась. С одной стороны, она давно уже читала рыцарские романы, и ее не оставляла мечта, что вот однажды ее понесет на руках прекрасный юноша. С другой стороны, Белый Ворон таким рыцарем из розовых снов никак не являлся. Принцесса шевельнула ногой и поморщилась от боли. Это решило дело.

– Я была бы крайне признательна за вашу любезность, – опуская густые ресницы, промолвила принцесса.

Ворон легко подхватил ее на руки и понес по коридору. Лорне пришлось осторожно держаться обеими руками за его шею. Осмелев, принцесса стала поглядывать по сторонам. Ехать

на высоком Вороне было весело, интересно и удобно. Лорна забыла о слезах и даже о внешности своего спасителя. Теперь девочке хотелось, чтобы ее триумфальное шествие увидело как можно больше народу.

Вскоре Ворон свернул в многолюдные коридоры. Со всех стороны раздались испуганные ахи придворных дам и удивленные вскрики лордов и слуг. Лорна была на седьмом небе от удовольствия. Краем глаза посмотрев на Ворона, она увидела, что альбинос совершенно не обращает внимания на поднявшуюся суету. Он шел ровным шагом, молча, с непроницаемым лицом и бережно держал принцессу у груди. При этом Ворон так торопился, что оказался у женских королевских покоев гораздо быстрее, чем хотелось бы Лорне, которая только начала входить во вкус всеобщего внимания.

Вступив в просторную общую комнату, Белый Ворон поморщился от поднявшейся волны криков, воплей и трескотни нянюшек, воспитательниц и придворных миледи. Быстро усадив Лорну в мягкое кресло, Ворон поклонился ей, бросил несколько фраз причитавшей воспитательнице, а потом моментально исчез за дверью.

– Ой, Небеса и небесные заступники! – кричала воспитательница Нонна. – Миледи Лорна, в каком вы виде? Как это случилось?

– Упала с лестницы, когда спускалась вниз, – с достоинством ответила Лорна, решив не уточнять, насколько быстро и с какой именно лестницы. – Лорд Белый Ворон сказал, что с ногой все в порядке, просто ушиб, так что лекаря не требуется. Но я желаю умыться и переодеться.

– Ой, вот это да! – На принцессу с восторгом смотрела двоюродная сестра, миледи Розы. – И этот альбинос нес тебя на руках? Вот ужас-то! А правда, что у него кожа ледяная, как у лягушки, а руки покрыты чешуей?

– Совсе нет, – сердито ответила Лорна, которой вдруг захотелось стукнуть свою лучшую подругу. – У него такая же теплая кожа, как у тебя или у меня, только белая. И еще он добрый. И умный.

– Так, хватит болтать! Миледи Лорна – быстро умываться, скоро пора выходить к завтраку, – оборвала их беседу Нонна. – Пойдемте в умывальную.

Тем временем Белый Ворон уже успел забыть об этом инциденте. Он торопился в покои Хранителя Большой Королевской Печати – своего брата Старшего Ворона. В приемной уже сидел сам Хранитель, а также Мудрый Ворон. На стене висело два ростовых портрета: покойного Аодха Ворона и ныне здравствующего короля Эннобара.

Старший Ворон, который сидел за столом в кресле, обитом черным бархатом, был точной копией отца: прямые черные волосы, пронзительно-синие глаза, благородные черты лица и несколько тяжелый подбородок, выдававший основную семейную черту – упрямство. Густые брови хмурились, белые длинные пальцы аккуратной кисти барабанили по столешнице.

– Доброе утро, – буркнул Старший Ворон вошедшему брату. – Садись.

Альбинос опустился в свободное кресло.

– Утра и вам обоим. А где, кстати, наш четвертый родственник? Где Гордый?

– Подозреваю, спит после ночной попойки, – ответил Мудрый Ворон.

Во дворце только дети боялись Белого Ворона. Взрослые понимали, что по-настоящему страшный человек – третий из братьев.

Мудрый Ворон внешне в общих чертах напоминал отца и старшего брата: та же высокая широкоплечая фигура, черные прямые волосы. Но чертами лица Мудрый Ворон удался в мать. От нее же ему достались и глаза: холодные, серые, прозрачные, непроницаемые. Никто никогда не видел, чтобы Мудрый Ворон улыбался или смеялся, равно как никто никогда не видел его в гневе, раздражении или охваченным любым другим сильным чувством.

Мудрый Ворон всегда имел бесстрастное выражение лица. Тонкие губы постоянно хранили вежливую полуулыбку, а взгляд словно прощупывал собеседника насквозь. Мудрый

носил титул Хранителя Книг, и в его ведении находились королевские библиотеки во всех четырех главных замках. Про него ходили разные слухи: о его занятиях Черным Искусством, о его жестокости, мстительности и злопамятности, но, поскольку Хранитель Книг не общался ни с кем, кроме своих троих братьев, короля и подчиненных, реальных фактов никто раздобыть не мог, и все ограничивалось слухами и домыслами.

– Подождем его или расскажешь нам, зачем позвал? – спросил альбинос у Старшего.

– Я послал за ним слугу, – ответил Старший. – Надеюсь...

Резко распахнулась дверь, и на пороге возник высокий стройный молодой человек, при одном взгляде на которого сразу становилось ясно, что прозвище свое он получил не зря. Четвертый из братьев Воронов обладал внешностью героя любовных романов: был узок в талии и широк в плечах, имел идеальные пропорции, а прямые черные волосы в живописном беспорядке рассыпались по плечам Гордого Ворона, придавая ему дополнительное очарование, но при этом не умаляя мужественности.

У четвертого брата было открытое лицо с правильными, хотя и несколько резкими чертами и чистой кожей того оттенка, что в народе именуют «кровь с молоком», – это была белизна здоровья и молодости. На щеках пылал румянец. Полные, ровно очерченные губы так и намекали на сладкие поцелуи, веселые синие глаза искрились весельем и вызовом.

Гордый Ворон был младшим из всех братьев, которых вызвал король Эннобар в столицу, а потому быстрее всех привык к новому месту и лучше всего освоился в городе и во дворце. Гордый почти не общался со своими братьями, зато обзавелся уймой друзей, приятелей, поклонников и покровителей.

Его сразу же определили в королевскую гвардию – элитные войска, составлявшие золотой фонд армии, в мирное время несшие стражу во дворце. Гордый Ворон продемонстрировал отчаянную храбрость, недюжинные воинские способности и, главное, отличные лидерские качества. В итоге он занял место сотника, получил несколько наград и знаков отличия, а также содержание, положенное своему званию, что сделало его полностью независимым от денег семьи.

Понимая, что наследства ему не видать, как своих ушей, а уж родового замка – тем более, Гордый брат решил жить так, будто у него есть только дальние родственники, о которых стоит вспоминать раз в год – во время Зимнего Подношения Богам. Кроме того, Гордый Ворон имел совершенно не «вороний» характер: он любил веселье, музыку, пирушки, гулянки, романы с красавицами и драки при любом удобном случае.

Вот и сейчас на скуле его расплывался знатный синяк, а нос украшала ссадина. Веки припухли, выдавая веселую бессонную ночь.

Гордый Ворон ослепительно улыбнулся братьям, завалился в четвертое пустое кресло, закинул ноги на стол и широко зевнул, показав всем белейшие ровные зубы.

– Подобные манеры уместны в казарме, – кисло заметил Старший Ворон.

– Ну, я прямиком оттуда, так что не успел их поменять по дороге, – съязвил Гордый. – Какого черта ты заставил меня подняться в такую рань и притащиться во дворец?

– Военному положены ранние побудки, – хмуро возразил Старший.

– Только не в увольнительную, – томно протянул Гордый. – Хо! Да я смотрю, тут вся стая слетелась. Что за сладкую падаль ты припас нам, братец?

– Если ты думаешь, что мне доставляет удовольствие любоваться на твою похмельную рожу, то глубоко ошибаешься! – вспыхнул Старший. – Я собрал вас по важному семейному делу! И будь любезен вести себя как высокородный, а не как менестрель из таверны!

Гордый только молча закатил глаза и растекся в кресле, словно показывая, что намерен пропустить все мимо ушей.

– Итак, – Старший брат глубоко вздохнул. – У меня только одна новость. Но касается она всех. Сюда, в столицу, едет наша мать, миледи Карей из рода Воронов.

Альбинос широко распахнул глаза, а Гордый Ворон сразу перестал улыбаться и выпрямился в кресле. Только Мудрый брат сохранил полную невозмутимость.

– С чего это наша мамаша решила покинуть родовое гнездо и потрясти юбками перед носом Его Величества? – воскликнул Гордый Ворон. – Никак, тролль в горах сдох?

– Нет, ее вызвал сам Эннобар, – оборвал его Старший.

– Вероятно, тебе известны причины приглашения, – подал голос молчавший Мудрый Ворон. Голос его был тихим, но тяжелым. Он резал слух, как тупой клинок – бархат.

– Известны, – мрачно сказал Старший. – Тебе, я думаю, тоже.

– Я могу только предполагать. – Голос Мудрого Ворона неуловимо напоминал свист, который издают крупные змеи, скользя по земле. – Вероятно, приезд нашей матери связан с надвигающейся войной.

– А ей-то что за дело до той войны? – снова влез Гордый. – Ее дело – рожать воинов, а уж воевать – дело самих воинов.

Старший брат красноречиво посмотрел на него, выражая взглядом все, что думал по поводу умственных способностей всех воинов в целом и гвардейских сотников – в частности.

– Это только одна причина, основная и явная, – продолжил Старший. – Но есть и другая. Я сам могу судить только по некоторым догадкам...

– Ну? – резко перебил его Мудрый.

– Думаю, Эннобар будет обсуждать с матерью вопрос о родстве, – выдавил из себя Старший, глядя в стол.

– А, – коротко ответил Мудрый Ворон. – Что ж, я давно ждал, когда это произойдет.

Старший посмотрел на него исподлобья:

– Ну вот, произошло.

– Ах-ха-ха! Так вот чего ты затряс задом! – расхохотался Гордый, откинув голову. – Тот хвост прищемил! Подумать только: наша маменька будет выбирать среди нас женихов королевским дочкам! А ты-то уже округился, да еще без спроса.

– Я спрашивал! – огрызнулся Старший, в ярости сверкнув глазами. – Не моя вина, что ее ответ запоздал.

– Да, да, – сочувственно покивал Гордый. – Разумеется, вовсе не твоя. Еще бы: кто же мог знать, что ответ будет идти столь долго, когда наш нетерпеливый влюбленный так и рвался к алтарю, словно застоявшийся жеребец – в поля. Очень умно было отправить гонца, а не ворона. Только матушка-то наша не дура, ответ обратно вороном отправила. Но – какое трагическое совпадение! – ворон возьми да и сгинь по пути. И что уж там матушка своему первенцу советовала, так и осталось при ней. А ты женат, пузат и третьего пискуна поджидаешь. И тут – сюрприз! Матушка собственной персоной, да еще и с политическим браком.

– Я сейчас разобью тебе лицо, – сквозь зубы процедил Старший. Лицо его пошло алыми пятнами, губы побелели.

– Не стоит. – В голосе Мудрого Ворона было столько льда, что, казалось, на стенах проступил иней. – Наш дорогой брат сейчас закроет рот на замок и не проронит ни слова, пока его не спросят.

Гордый открыл было рот и с вызовом взглянул на Мудрого. Лицо того оставалось бесстрастным, глаза пустыми, но в их прозрачной серой глубине вдруг появилась некая смутная тень. Тьма всплывала, меняя их цвет, и все три брата замерли, будто проглотив языки.

– Что ж, интересные новости, – задумчиво сказал Мудрый Ворон. – Вопрос в том, кто из нас станет женихом принцессы Лорны.

– Почему Лорны? – подал голос Белый брат. Бесцветные глаза вопросительно перебежали со Старшего на Мудрого.

– Кстати, да?

Старший с интересом посмотрел на Мудрого.

– Потому что Рона уже просватана за наследного принца Озерного королевства, а Финеле всего три года, и вряд ли свадьбу отложат так надолго, – пояснил Мудрый, который сидел в кресле и водил пальцами по его гладким подлокотникам.

– Но Лорна тоже совсем ребенок, – возразил Белый.

– Через год она вступит в брачный возраст, – пожал плечами Мудрый. – Единственный возможный вариант, и Эннобар это прекрасно знает. Можно заключить брак без консумации. Никто не полезет на неразвитую девушку, когда можно спокойно дождаться спелости, но родство все равно уже будет действенным.

– Но кто станет ее мужем? – снова спросил Белый. – Ты?

Он посмотрел на Мудрого.

– Меня не интересуют семейные узы, – вернул ему взгляд Мудрый. – Эннобар не так глуп, чтобы не понимать очевидных вещей. Изначально лишь один из нас подходил на роль королевского зятя.

Все три брата дружно посмотрели на Старшего, который снова покраснел.

– Но он уже давно и счастливо женат, – не выдержал Гордый.

– Что перетирать одно и то же! – раздраженно стукнул раскрытой ладонью по столу Старший. – Все равно будет так, как решит миледи Воронов. Скажет она – и ты, наш Мудрый брат, поведешь Лорну к алтарю.

– Не думаю, что выбор падет на меня, – спокойно ответил Мудрый.

– А я не собираюсь жениться, даже если вы всей семейкой свяжете меня и силком потащите в Храм Берканы, – подскочил в кресле Гордый.

– Да уж всем известно, что отказаться от шлюх и притонов тебя не заманишь даже тронном и короной, – презрительно ответил Старший. – Но все решит миледи.

– Да что ты все заладил – миледи да миледи?! – взорвался Гордый. – Мы живем тут десять лет, все уже взрослые мужчины! Какого черта нам слушать мамашу, пусть она даже трижды миледи и владеет всеми Серыми горами?

– Ты просто забыл, кто такая миледи Воронов, – вдруг сказал альбинос.

– А ты прям помнишь! – запальчиво перебил его Гордый. – Тоже десять лет ее в глаза не видел.

– Тебе просто повезло: родился четвертым. Мать сразу отдала тебя кормилице и мало уделяла внимания, а потом тебя увезли в столицу, – сказал Старший.

– Да мне вообще везет, – легкомысленно согласился Гордый, сладко потягиваясь и весело щурия веселые глаза. – И думаю, везти будет и дальше. Во всяком случае, я, в отличие от вас, не намерен плясать под дудку нашей мамашы. Мне глубоко плевать, кого там она собирает с дочкой Эннобара: ко мне ни эта свадьба, ни вся ваша каркающая семейка никакого отношения больше не имеет. Привет!

Гордый легко вскочил на ноги и удалился, насвистывая пошлый мотивчик. Мудрый смотрел ему вслед, жуя нижнюю губу.

– Я бы занялся им, но предпочту оставить это матери, – заявил он.

– Что думаешь сам? – устало спросил Старший.

– Зная мать, достанется всем, кроме, может быть, него, – кивнул на притихшего альбиноса Мудрый. Тот горько улыбнулся: миледи Воронов настолько не выносила своего сына-урода, что предпочитала вообще забывать о его существовании.

– А насчет войны? – снова спросил Старший.

– Думаю, война неизбежна, – снова пожевал губы Мудрый. – Если от военных действий удержится сам Эннобар, ее ему все равно навяжут. Единственное, что можно сделать, – начать в наиболее выгодное время и с наиболее выгодными условиями, навязав свою линию. Вопрос в том, хватит ли на это Эннобара теперь, когда у него уже десять лет нет Аодха Ворона, а его Вепрь давно растерял клыки.

– Потому король и позвал нашу мать, – заметил Старший.

– Наша мать – редкая женщина, но прежде всего она представительница своего пола, – пожал плечами Мудрый. – Горы – ее сила. Вне их она теряет вполовину, если не больше. Но тебе все равно придется ответить за свое ослушание и за свою, – тут губы его чуть изогнулись в ухмылке, – любовь.

Старший уронил голову на руки. Мудрый Ворон поднялся из кресла и удалился. В комнате повисла тишина.

– Вот почему мы, братья, одна кровь, единая плоть, а такие чужие друг другу? – глухо спросил Старший, не поднимая головы.

– Я думал об этом, – отозвался Белый. – Вероятно, из-за того, что отец умер слишком рано, а мать не сделала ничего, чтобы мы чувствовали себя настоящей семьей.

– Ничего?

Старший посмотрел на брата.

– Миледи Воронов никогда не любила ни нас, ни нашего отца, – тихо ответил альбинос. – Она всегда любила только горы.

– Ты тоже меня не понимаешь и будешь сам по себе? – спросил Старший, на секунду подавшись слабости.

Белый Ворон сидел в кресле прямо и неподвижно. Нелепый каприз природы, ошибка, вкравшаяся в генный код. Выбраковка из стаи. Тот, на кого показывают пальцами, дразнят, над кем смеются, кого боятся, обсуждают и перешептываются за спиной.

– Мне не доставалось ни от вас, ни от матери даже той призрачной тени семейных уз, что связывала всех Воронов, – прочистив горло, ответил альбинос. Глаза его опустились, плечи поникли, руки разглаживали на коленях невидимую складку. – У меня нет друзей, нет близких, нет любимой или даже приятелей. Я всю жизнь живу в постоянном холоде и неизбывной пустоте... Но я твой брат. Нас родила одна мать, и мы произошли от одного отца. Кровь, которая течет в нас, – одна и та же. Поэтому я с тобой. И еще потому, что я тебя понимаю.

Альбинос умолк. Старший брат поднялся из-за стола и подошел к креслу.

– Спасибо, – проглотив ком в горле, сказал он и сжал руку третьего брата.

Альбинос поднял на него глаза. На лице мелькнуло странное выражение, а взгляд подозрительно увлажнился.

– Я, пожалуй, пойду, – пробормотал он.

– Спасибо, – повторил Старший, и еще раз с чувством стиснул ему руку.

Третий Ворон неуверенно ответил таким же пожатием, а потом поднялся и покинул покои Хранителя Большой Королевской Печати.

Глава 4

Караван медленно полз по дороге. Впереди катилась карета миледи Воронов, за ней ехали три брата на вороных конях, следом – десять стражников. Затем тянулись два крытых простых экипажа, в которых тряслись знатные дамы и служанки, за ними ползли телеги с вещами и слугами, а замыкал шествие конный отряд из двухсот вооруженных воинов, одетых в кольчуги и вооруженных луками, топорами и копьями. Только один человек шел рядом с телегами пешком – лесоруб Ройле, которому не нашлось подходящей лошади.

Нового слугу миледи Воронов отмыли и одели в чистую рубаху и народный костюм: куртку и штаны из волчьего меха. В нем Ройле смотрелся героем из былин и сказок, отчего девушки-служанки постоянно кидали на него заинтересованные взгляды и кокетливо улыбались хмурому великану.

На козлах кареты ехали возница Лухх и начальник замковой стражи Каэрвен. Лухх зевал, а Каэрвен думал о том, будет ли изменять ему оставшаяся в замке жена и не забудет ли о нем оставшаяся там же любовница. И о том, не узнают ли они за время его отсутствия друг о друге и не подерутся ли. От этих мыслей Каэрвен был мрачен, сосредоточен и глух ко всему вокруг.

– Э-э...

Лухх покосился на него, явно надеясь привлечь внимание.

Каэрвен в этот момент представлял эпичную драку жены и любовницы в замковом дворе у колодца, а потому робкого голоса не услышал.

– Господин Каэрвен, смотрите! – в отчаянии воскликнул возница, чуть забирая вожжи.

– А? – очнулся Каэрвен и злобно посмотрел на Лухха. – Чего тебе?

Пока Лухх трясся и собирался с мыслями, карета все так же медленно ползла вперед.

– Т-там дорогу размыло, – кое-как выдавил Лухх. – Боюсь, увязнем... Может, остановиться?

Тут уже застыл Каэрвен. Миледи закрылась темными занавесками и приказала ее не беспокоить ни в коем случае. Лужа таким экстренным случаем явно не была, не нападение разбойников ведь и не горный обвал. Но если карету остановить, миледи явно забеспокоится и потребует узнать, в чем причина остановки и кто виноват. Зная нрав миледи Воронов, Каэрвену виноватым быть совершенно не хотелось. Пока Каэрвен думал, а Лухх на него смотрел, лошади брели себе вперед, и вот уже копыта зачавкали по бурой жиже. Дальше, глубже, и...

– Назад! – рявкнул Каэрвен и даже дернул правую вожжу.

Лухх дернул левую, лошади вздрогнули, попятились, и карета намертво встала в раскисшей грязи.

– Ох, Небеса и предки мои! – вырвалось у Каэрвена.

Лухх судорожно сглотнул. Сзади слышались недоумевающие голоса, потому что весь караван встал.

К карете подскакали Дикий и Красный Вороны. Оценили обстановку, и Красный мрачно сказал:

– Н-да. Прелестно.

В карете распахнулось окно, и оттуда выглянула хмурая миледи. Она посмотрела сначала на сыновей, потом вперед, на увязших чуть не по бабки лошадей, затем – на Каэрвена и Лухха.

– Ну и как вы это объясните? – сухо спросила миледи Воронов.

– Дожди были, и с горы оползень сошел, вот оно и тово...

Лухх почтительно стянул шапку.

– Это понятно, – кивнула миледи. – Непонятно, почему ты сюда въехал.

– Так это лошади, – залопотал Лухх. – Я пока ждал распоряжения, они шли...

– А чьего ты распоряжения ждал? – поинтересовалась миледи.

– Господина Каэрвена, – хлопая глазами, объяснил Лухх.

– А чего ждал господин Каэрвен, понимая, что ты лезешь в топь? – холодно посмотрела миледи на начальника стражи.

– Я... проводил анализ стратегической обстановки, – брякнул Каэрвен, в ужасе понимая, что настал его последний день.

Услышав ответ, миледи прикрыла глаза. Помолчала. Где-то куковала кукушка, лошади вздыхали и всхрапывали, звеня удилами и встряхивая гривами. Миледи открыла глаза и спросила у Каэрвена:

– И что теперь?

– Ну... – настала очередь Каэрвена судорожно сглотнуть. – Миледи, позвольте, я вынесу вас из кареты? Мы привяжем еще лошадей, подложим бревна и доски, подтолкнем сзади и выведем карету на сухое место. А потом засыплем топь, и все остальные тоже перейдут.

– Да, и потеряю часа два, а то и три, – кивнула миледи. – Скажи, Каэрвен, а нельзя ли было засыпать топь до того, как мы в ней застряли?

Каэрвен покраснел. Но ответить не успел, потому что рядом с каретой объявился Ройле. Беспочтительно растолкав плечами коней, на которых сидели братья, лесоруб подошел к топи и посмотрел на задние колеса, увязшие в бурой жиже по самые спицы. Потом кинул взгляд на передние, обернулся к миледи и сказал:

– Госпожа моя, сдастся, вылезать вам из кареты не потребуется, и много времени мы тут не потеряем.

– Да? – насмешливо изогнула бровь миледи. – Может, ты владеешь колдовскими чарами и они помогут тебе освободить меня?

Ройле слегка покраснел.

– Нет, не владею. Но никаких чар не нужно. Прошу тебя, госпожа моя: если ты не против, вернись обратно на сиденье и держись там покрепче.

– Миледи, может, мы займемся делом, а не будем выслушивать слабоумных? – вскипел Дикий Ворон, который слушал беседу, распалаясь все больше. – И так времени уйдет уйма, а тут еще и этот... со своими советами.

– А я, пожалуй, посмотрю, что из этого выйдет, – вдруг громко заявила миледи и спряталась обратно в карету.

Дикий Ворон открыл рот. Они с братом переглянулись, а потом недовольно уставились на Ройле. Дикий сплюнул в грязь, Красный закатил глаза. Между тем лесоруб влез в жижу, не смущаясь тем, что его чуни из мягкой кожи сразу же залило ледяной грязью. Ройле подошел к задней оглобле, примерился, а потом крикнул Лухху, вместе с Каэрвеном созерцавшим всю сцену с козел:

– Господин возница, я как покличу – высылайте лошадей. А который рядом с вами господин сидит, пусть вперед пройдет и лошадей под уздцы потянет, у него сапоги высокие, ему проще.

Каэрвен побагровел. Выслушивать указания от деревенского дурака ему, высокородному воину, было унижительно. Но ведь миледи явно дала понять, что хочет дать дураку показать всю свою дурь. Злой, как горный медведь, разбуженный посреди зимы, Каэрвен спрыгнул с козел в грязь, едва не зачерпнув ее высокими сапогами для верховой езды, выругался себе под нос и добрал до лошадей. Ухватив правую под уздцы, крикнул:

– Ты, деревня! Я на месте!

– Рад за вас! – отозвался Ройле.

Лесоруб спокойно засучил рукава, присел и взялся за оглоблю. У братьев и у всех, кто наблюдал за этой сценой, вытянулись лица. Ройле стиснул зубы и стал медленно подниматься, а вместе с ним поднимались и задние колеса кареты. Ройле покраснел, на лбу его вздулись

вены, на шее натянулись мускулы. Колеса с чавкающим звуком вырвались из грязи, и Ройле сипло ухнул:

– Давай!

Каэрвен, который не мог поверить своим глазам, вздрогнул и заорал на лошадь, одновременно потянув ее за собой. Кони прыгнули, и ровно в эту секунду Ройле, собрав всю свою силу, вытолкнул карету вперед. Передние колеса с громким чмоканьем также высвободились из ловушки. Каэрвен тянул лошадей вперед, Лухх стегал их вожжами, а Ройле медленно, увязая по колено, нес заднюю часть кареты на руках.

Шаг за шагом кони вытащили экипаж на сухое место, и Ройле присел, бережно опуская колеса на землю. Потом он медленно поднялся, широко расправил плечи и выдохнул, прикрыв глаза. Пот тек с него градом, губы пересохли, руки слегка дрожали.

Все, кто смотрел на Ройле, застыли как статуи, отказываясь поверить своим глазам. Ройле утер пот со лба и обернулся на карету: из окна на него смотрела миледи Воронов.

– Ну вот, – борясь с одышкой, сказал Ройле. – Теперь надо засыпать яму и всем ехать дальше.

– Каэрвен, – позвала миледи, не отрывая взгляда от потного и красного лесоруба. – Сделай, пожалуйста, все как положено. Надеюсь, мне больше не придется тревожиться из-за подобной ерунды, которой можно было бы избежать, если бы ты как следует выполнял свои обязанности.

Окно резко закрылось черной шторкой. Каэрвен побежал в конец каравана отдавать распоряжения. Лухх провез карету вперед, остановился и слез с козел. Он ослабил лошадям подпруги, принес им воды, а сам пошел отмывать колеса от грязи в ожидании, пока лужу засыпят и можно будет трогаться дальше.

Из леса бесшумно вынырнул огромный черный ворон, описал низкий круг над каретой, а потом сел на окно и каркнул. Шторка отдернулась, и ворон проскользнул внутрь.

Миледи полулежала на подушках и рассматривала себя в зеркало. Корсет ее был распущен, волосы рассыпались по белым плечам. Миледи поворачивала перед зеркалом лицо, придирчиво оглядывая щеки, нос, шею.

– Кар-р! – сказал ворон, вывернув голову. Черный блестящий глаз сверкнул в полумраке.

– Хорошо, что они собирались, – сказала миледи, опуская руку с зеркалом. – Надеюсь, к моему прибытию в полной мере осознают, что игры закончились.

– Ар-р, – поддакнул ворон, переступив лапами.

– Нет, не надо больше следить, – отмахнулась миледи, снова поднимая зеркало. – Я пока не хочу об этом думать. Я вообще третий день не могу ни о чем думать, кроме как о том...

– Ар-рк? – вопросительно каркнул ворон.

– Кроме как о том, что в штанах у этого мальчишки! – с раздражением ответила миледи. – Так что брысь отсюда!

Ворон взмахнул крыльями и метнулся прочь из кареты. А миледи откинулась на подушки и медленно оттянула шнурованный лиф платья. Обнажились упругие гладкие груди. Она задумчиво провела рукой сначала по одной, затем мягко огладила другую, чуть стиснув сосок. Прикусила губу. По щекам миледи поползли пятна нежного румянца, взгляд затуманился.

Миледи Воронов вышла замуж, не имея на то ни желания, ни малейшей симпатии к жениху, который был старше ее ровно в два раза. Первая брачная ночь запомнилась ей как одна из самых отвратительных в жизни: бородатый угрюмый Аодх, тяжелый, пропахший крепким потом и вином, залез на кровать и задрал ей кружевную шелковую сорочку. Обдавая хмелем, дышал в лицо, слюнявил и терся о нежную кожу бородой.

Юная жена зажмурилась и отвернула голову, стараясь не дышать. Пока жадные сильные руки мужа шарили по ее телу, бесстыдно щупая везде, где только можно, новая миледи Воронов дрожала, едва сдерживаясь, чтобы не взвыть от отвращения. Потом Аодх силком раздвиг

нул ей ноги коленями, завозился, навалился, и стало очень больно. Миледи закричала, попыталась вывернуться, но Аодх удержал ее, бормоча какие-то пустые слова, а потом задвигался в ней, сотрясая постель и причиняя боль.

Но еще больнее было от унижения и стыда. С той ночи миледи возненавидела своего мужа со всей несгибаемой волей своего твердого характера. Ни разу близость с ним не доставила ей удовольствия, ни разу ей даже в голову не пришло, что с кем-то другим все может быть иначе. После смерти Аодха за все долгие десять лет миледи ни разу не почувствовала желанья по отношению к мужчине. Ни разу до того момента, как смущенный Ройле опустился на колени и признался, что убил тролля.

Этот деревенский парень так и стоял у миледи перед глазами, с его спутанными волосами, по-детски пухлыми губами и руками, обладавшими чудовищной силой. Сначала она даже подумала, что заболела: ее знобило, кидало то в жар, то в холод, все тело ломило. Миледи извивалась на своей огромной постели, кусая руки и горя огнем изнутри. Между ног у нее стало мокро, внизу все тянуло.

Миледи среди ночи вскочила с постели, подняла служанок и своих наперсниц, заставила хлопотать вокруг себя, отпаивать холодной водой, травяным настоем и парным молоком. Ее злили все вокруг, хотелось кричать, плакать, швырять в бестолковых женщин чашками и всем, что подвернется под руку, голосить, причитать и одновременно смеяться, носиться туда-сюда, как кошка, валяться по полу, петь, танцевать и прыгать по кровати.

Лежа на постели и комкая одеяло, миледи Воронов утирала лоб платком и думала, что сошла с ума. Однако она взяла себя в руки и постаралась отыскать причину своего безумия. Сделать это было непросто: за все двадцать пять лет, прошедших со времени первой брачной ночи, она ни разу не желала мужчину, тем более так страстно и безоглядно. Когда же ее накрыло внезапное понимание причины своих мучений, миледи Воронов закрыла лицо руками и рассмеялась. Горные духи покарали ее. Возможно, за то, что она нарушила свое обещание, данное еще в детстве среди ночи, пахнувшей вереском, дождем и ветром. Но даже во внезапной женской слабости миледи Воронов оставалась собой. Ночь она провела без сна, зато утро встретила взвешенным решением.

Снаружи слышались шаги. Миледи затянула корсет и выглянула наружу: к карете подошел Каэрвен и поклонился.

– Можно ехать дальше.

Миледи молча кивнула и махнула рукой. Тут же карета качнулась и тронулась вперед. Солнце уже сползло за горы, но до первого своего имения в долине Вороны должны добраться еще засветло.

Глава 5

Старший Ворон осторожно открыл дверь в спальню и проскользнул внутрь. Его жена Морна стояла возле детской кроватки и смотрела на спящих детей. Услышав за спиной движение, она обернулась, и у Ворона замерло сердце. Почти так же, как в их первую встречу.

Морна была одного с ним роста, ее густые черные волосы спадали до пояса мягкими крупными кудрями. Кожа лица была такой нежной и гладкой, что казалась чуть светящейся, и на ней ярко выделялись яркие, словно подкрашенные, губы. Но самым привлекательным в этом удивительном лице были глаза бирюзового цвета, которые могли менять цвет в зависимости от освещения и настроения. Иногда они становились прозрачными, словно зеленое стекло, иногда приобретали цвет морской волны в солнечный летний день.

Ворон подошел к жене, нежно обнял и притянул к себе. Морна склонила голову ему на плечо, прижалась и улыбнулась. Ворон огладил сильную гибкую фигуру, залюбовавшись на налившуюся грудь, и осторожно положил ладони на выпирающий живот. Через несколько секунд изнутри пришел легкий толчок.

– Дерется, – шепнул Ворон.

– Это он дуется, что тебя не было весь день.

Вокруг глаз Морны собрались морщинки, и она тоже накрыла ладонями свой живот.

– Прости, дел много, – извинился Ворон и потянулся за поцелуем.

Пока он ощущал привычную мягкость губ, в кроватке завозились. Ворон отстранился и посмотрел туда, где, сладко сопя и разметавшись во сне, крепко спали два черноволосых мальчика шести и четырех лет. Младший жадно сосал большой палец.

– Люблю их, – шепнул Ворон, обнимая жену. – Мои воронята.

– Скоро их будет трое, – улыбнулась Морна. – И шуму прибавится.

– Это да, – вдруг помрачнел муж.

Он взял жену за руку и увел в смежную комнату.

– Что-то стряслось? – спросила Морна, морща лоб.

Ворон сел на кушетку, подвинул столик и налил в стакан темного вина. Отпил, смакуя, а потом сказал, не глядя на жену:

– В столицу едут моя мать и три младших брата.

– О, – удивленно отозвалась Морна, осторожно усаживаясь рядышком. – Вот это действительно большая новость.

Ворон молчал и крутил кубок в руках. Жена нежно положила ему на плечо руку:

– Ты боишься встречи с ней?

– Я боюсь не за себя, – покосился на нее Ворон. – А за тебя.

Морна подняла брови.

– Но она же твоя мать. Не думаю, чтобы она до сих пор на тебя так злилась. Шесть лет прошло. И потом, ты же посылаешь ей письмо за разрешением?

– Ага, только пока оно шло, я уже женился, – мрачно ответил муж. – А когда ее ворон принес мне ответ, я его даже не прочитал, потому что все равно было уже поздно.

– Ну, думаю, все не так плохо и она тебя простит, – ласково улыбнулась Морна. – Тем более мы покажем ей внуков.

Ворон серьезно посмотрел на жену.

– Ты просто не представляешь, кто она такая. Ладно, не хочу об этом говорить. Пусть будет что будет.

– А когда она приезжает?

– Выехали вчера, значит, недели через две, – вздохнул муж. – Пойду умоюсь, устал я сегодня. Встречался с братьями, пытался как-то объединить всех... Но не вышло.

– Вы странные, – огорченно заметила Морна. – Вроде братья, а не дружите. И все такие разные. Твоего второго брата я боюсь, Белый Ворон тоже пугает... А Гордый – он словно не из вашей семьи.

– Да, все так... – Старший взъерошил волосы. – Но ты глубоко ошибаешься насчет Белого. Он единственный из всех нас, на кого можно положиться.

– А те три брата, что приедут с миледи? – спросила Морна, поправляя прическу.

– Ну, я их плохо помню, – признался муж. – Красный в детстве был тихим, скрытным, но довольно противным. Такой показной тихоня с прилизанными волосами, а от самого жди беды. Дикий в детстве был злым, угрюмым и кидался драться по любому поводу. Помню, как-то мать приказала его выпороть вожжами на конюшне, его отхлестали до крови, а он молчал, только смотрел с ненавистью. Про Седьмого Ворона я вообще ничего не могу сказать. Он тогда был совсем малыш, застенчивый, все время прятался по углам и, кажется, любил своего пони больше, чем нас всех, вместе взятых.

– Ох... – Морна прижалась к мужу. – Ну, думаю, они выросли и все изменилось.

– Не знаю, – покачал головой Ворон. – Может, ты и права. Но что-то тошно мне. Обними меня.

Морна охотно исполнила его просьбу.

* * *

Белый Ворон обитал в левом крыле дворца, в самом конце, там, где доживали свой век старые вельможи, которым король милостиво разрешил оставаться на его довольствии при дворе.

Три небольшие комнатки: спальня, гостиная и еще одна, которую Ворон приспособил для своих занятий медициной. Там повсюду лежали толстые рукописные книги, свертки, кульки, букеты трав; стояли мензурки и горелки, бутылки с настойками, баночки с мазями и прочие атрибуты практикующего лекаря.

Формально Белый числился в штате придворных лекарей, но во дворце к нему никто не обращался. Поэтому он в основном практиковал в городской больнице для бедных или выходил на ночные вызовы городских стражников на уличные происшествия и в таверны.

Вот и в этот раз выдалась бессонная ночь: в поножовщине две проститутки сильно порезали друг друга, да еще какой-то бедолага-путешественник повесился в дешевой грязной таверне у городских ворот. Откачать его не удалось.

Белый Ворон вернулся домой в десятом часу утра, уставший и опустошенный. Слуг он не любил, предпочитая одиночество, и единственный помощник приходил только по вызову. Поэтому альбинос в удивлении застыл перед своими покоями, обнаружив, что дверь открыта. В нерешительности он шагнул внутрь и замер от изумления: у стола на стуле чинно сидела принцесса Лорна и смотрела темными от страха глазами на человеческий череп, скалившийся ей со стола.

– Принцесса? – от удивления забыв правила этикета, воскликнул Белый.

– Ой, наконец-то! – Лорна обрадовалась и соскочила со стула. – Лорд Белый Ворон, зачем вам эта гадость и отчего тут такой беспорядок? Кстати, желаю вам доброго утра и хорошего дня. И приношу извинения, что пришла без спроса. Но вас никто не мог найти, а тут тоже никого не оказалось. Где все слуги?

– Ох, простите, – спохватился Белый. – Просто я никак не ожидал увидеть вас у себя, да еще так рано. Слуг у меня, к счастью, почти нет, а череп и беспорядок... Ну, это неизбежные спутники профессии лекаря.

– Так у него же уже нечего лечить! – резонно заметила Лорна, косясь на череп. – И почему слуг нет «к счастью»?

– Я не очень люблю, когда рядом находятся посторонние люди, – улыбнулся Белый. – Не хотите ли чаю?

– Да, пожалуй, вы очень любезны, спасибо, – заученно ответила Лорна, а потом посмотрела на суетящегося Ворона пристально и задумчиво: – Так у вас и жены ведь нет, правильно?

– Да, вы совершенно правы, – усмехнулся Белый, накрывая на стол.

– А почему? – заинтересовалась принцесса. – Жена должна быть у всех мужчин.

– Ну, – запнулся альбинос, – видите ли... Я не слишком нравлюсь женщинам. С моей внешностью вряд ли кто-то меня полюбит. Я некрасив, а женщинам нравятся привлекательные и храбрые.

– Вы заблуждаетесь, – важно сказала Лорна, расстилая на коленях салфетку. – Вы вовсе не некрасивый. Просто эти ваши женщины неправильно на вас смотрят. Они на вас смотрят издали, а тогда вы действительно кажетесь немного некрасивым. Но если на вас посмотреть вблизи, то вы очень хороший.

– О... – Белый Ворон не знал, плакать ему или смеяться. – Что ж, я обязательно это учту.

– Конечно. – Лорна подождала, пока он подаст ей сладкий травяной чай. – Вам давно пора взяться за ум и жениться. Моя воспитательница говорит, что без жены мужчина никуда не годится.

– Ну... – Белый Ворон смущенно хихикнул, не зная, как себя вести в такой щекотливой ситуации. – Хорошо, буду надеяться, что какая-нибудь девушка разглядит меня вблизи и разделит ваше мнение обо мне.

– Если не разделит, значит, она глупая и жениться на ней не надо. – Лорна отпила чай. – Очень вкусно. Спасибо.

– А зачем вы, простите, вообще-то пришли? – вдруг осенило Белого Ворона.

– Я нанесла вам официальный визит, как и положено особе королевской крови, которая должна интересоваться тем, как живут высокородные лорды, гостящие во дворце, – пояснила Лорна. – А нет ли у вас печенья?

– Э-э... Если только бисквиты, – покраснев, сказал Белый.

– Вполне подойдет. – Лорна улыбнулась ему, как ее учила воспитательница. – А потом вы проводите меня до моих покоев?

– Если вы того пожелаете, то разумеется, – обескураженно ответил альбинос, в ужасе представив десятки взглядов и всеобщее шушуканье.

– Я изволю, – заверила Лорна. – Спасибо за бисквиты. Они чудесны.

Белый Ворон покосился на корзиночку с сухими трехдневными бисквитами и горячо захотел провалиться сквозь пол.

Глава 6

Эйнли сидела на телеге и смотрела вперед. Они еще два дня назад покинули горы и пересекли границу владений Воронов. Перед караваном распахнулся Большой тракт, соединяющий Тамврот, столицу, с портовыми Воротами Запада – шумным проходным городом, где правил Лиран Быстроногий.

Дочь кузнеца, которая всю свою недолгую жизнь провела в горах, даже не представляла, что бывают такие бескрайние поля, засаженные гречей и рожью, и могучие полноводные реки. Бесконечный горизонт, к которому убегал Большой тракт, ее просто пугал.

Постепенно по бокам тракта стали появляться деревни и небольшие городки, постоянные дворы, а на перекрестках все чаще встречались виселицы, и стояли они отнюдь не пустыми.

По мере приближения к Тамвроту на дороге становилось все многолюдней, и хотя караван миледи Воронов почтительно пропускали, у бедной Эйнли так и разбежались глаза. То мимо проносился во весь опор королевский гонец в ярко-синем котте, поверх которого был надет желтый сюркотт, и таком же разноцветном колпаке, то следовала украшенная выкованными из золота гербами карета высокородного лорда, то проезжали угрюмые, закованные в кольчуги наемники, похожие на разбойников, а то в железных клетках везли и настоящих разбойников, от которых воняло густым звериным духом. Плелись пешие странники, бедняки, паломники, кочевали пестрые ватаги бродячих актеров и музыкантов, попадались пешие и конные менестрели с лютнями или волынками.

Когда вдаль показались высокие башни и шпили храмов Тамврота, на дороге встал первый таможенный пост. Тут дорога делилась на четыре: крестьяне с телегами и стадами шли по одной, купцы со своими товарами, а также зажиточные граждане – по второй, лорды, наемники и прочие воины – по третьей, караваны знатных особ – по четвертой.

Каэрвен долго ходил вокруг телег с таможенником, подсчитывая дорожную пошлину, потом еще дольше оформлял документы и оплачивал ее, и только потом все вновь двинулись в путь по гладкой ровной дороге, по бокам которой то и дело попадались дорогие постоянные дворы, а вдаль виднелись роскошные замки придворной знати.

Тамврот стоял на холме, окруженном искусственным рвом. В стене с четырех сторон света открывались четверо ворот – Летние, Весенние, Осенние и Зимние, и к каждым вел огромный подъемный мост. На ночь мосты поднимались, а ворота запирались на крепкие засовы. Внутри столица была поделена на округа, а каждый из округов, в свою очередь, на слободы.

В центре, на самой вершине холма, стояли королевский дворец, Храм Небес, Храм Трехликой Богини, казармы королевских гвардейцев и дворцы самых знатных лордов. На Южной стороне располагался Королевский парк, почти лес, в котором было запрещено охотиться всем, кроме королевских охотников, доставляющих дичь на кухню короля Эннобара.

Все это рассказывала девушкам госпожа Маргарет, пока они ехали по мощенной серым булыжником мостовой Тамврота и восторженно глазели на многоэтажные дома, дворцы и уличную толчею.

– А мы-то куда денемся? – задала вопрос Тара, дочка госпожи Маргарет. – Миледи-то, наверное, в сам дворец позовут, а с нами что будет?

– Мы все, кроме стражников, тоже будем жить во дворце с миледи, – сказала Маргарет, снисходительно посмотрев на дочь. – Ей выделят отдельные гостевые покои, там и обживемся. Не знаю уж, сколько мы тут пробудем, но миледи привыкла к удобству и вряд ли изменит своим привычкам.

Тут всем пришлось замолчать: впереди открылся королевский дворец, вернее, ограда вокруг него, и караван снова остановился.

Каэрвен пошел с документами и списком людей к главному привратнику, и еще долгое время они проверяли, выясняли и обсуждали груз и пассажиров. Вперед пропустили только карету миледи и трех ее сыновей. Остальным остался заниматься Каэрвен: надо было не только доставить слуг, знатных миледи и все вещи в покои, выделенные матери Воронов, но и разместить своих людей в отдельных казармах, построенных специально для воинов лордов, гостящих у короля.

Во дворце миледи и братьев встретил лорд-управляющий и сопроводил в отведенные покои, где все уже было готово и ждала вышколенная прислуга.

– Я знаю, что король желал бы видеть меня прямо сегодня, но передайте, что я измучена дорогой и сама приду завтра на утренний прием, – заявила миледи Воронов лорду-управляющему. – Пусть девушки отведут меня в опочивальню, а сюда побыстрее проводят моих знатных спутниц и прислугу.

Лорд-управляющий рассыпался в любезностях и поклонах, но миледи, не дослушав, скрылась за дверями опочивальни.

– Лорды, дозволейте проводить вас в ваши покои, – раскланялся симпатичный юноша. – Вот те три двери ведут в ваши опочивальни.

– Очень мило, – проворчал Дикий Ворон, осматривая роскошную обстановку. – Я-то надеялся переночевать в конюшне...

– Ага, чтобы удрать оттуда в город! – фыркнул Красный брат.

– Не без этого, – ухмыльнулся Дикий, многозначительно подмигивая.

– Думаю, не стоит гневить миледи в первый же день, столица никуда не денется, – рассудил Красный. – Я тоже порядком устал от этой дороги и чешусь от желания залезть в горячую ванну. Пойдем спать, завтра надо быть в лучшем виде, чтобы приглянуться королю.

– Пусть его тролли задерут, – пробурчал вполголоса Дикий. – Будь моя воля, я бы прямо сегодня отправился домой.

– Но воля тут не твоя, – миролюбиво заметил Красный, взял брата под руку, и они удалились в свои комнаты.

Младший Ворон вздохнул и осмотрелся. У стены стояли два мальчика и преданно смотрели на него.

– Мне бы... умыться, – краснея, пояснил Младший.

– О, это все есть у вас в покоех, – обрадовались мальчики. – Мы можем помочь.

– Как – в покоех? – широко распахнул глаза Младший. – Куда же там... Ну, это...

Мальчики едва сдержались, чтобы не прыснуть. Потом один объяснил:

– У вас в опочивальне есть балкон. С него по доскам можно пройти в отхожее место. А для омовения стоит умывальник.

Младший раскрыл рот, но счел за лучшее промолчать. И без того было неловко под любопытными взглядами мальчишек.

Он прошел в опочивальню, состоявшую из двух просторных смежных комнат, во второй из которых обнаружилась большая кровать, застеленная свежими простынями. Младший выглянул на балкон. На улице уже было темно, только светились окна дворца и фонари во дворе.

Это крыло заворачивало внутри двора, и напротив высилась стена другого дворцового крыла. Два параллельных балкона соединялись деревянным настилом, на котором темнело некое небольшое строение. Младший выглянул с балкона, принялся и сразу понял назначение будочки.

– Фу, ну и порядки, – ужаснулся он. – Оно же все вниз падает... Да уж, тут надо почаще задирать голову.

* * *

Король Эннобар сидел на высоком престоле в центре Зала Приемов. Из спинки высокого трона, выточенного из черного дерева, выростала статуя грифона: поднявшийся на задние лапы крылатый орелолев распахивал полную зубов пасть. Грифон был отлит из чистого золота, а в глазах и во лбу у него пылали три огромных рубина.

Король Эннобар оказался высоким крепким мужчиной, разменявшим шестой десяток. Его каштановую гриву щедро посеребрила седина. Сверкали серебряные нити и в пышной окладистой бороде. Наряд короля сочетал простоту и роскошь: на нем ладно сидели узкие штаны из тонкой шерсти, пристегнутые к мягким сапожкам, украшенным стеклярусом, а вышитая золотом красная верхняя туника с длинными шнурованными рукавами ярко сияла в свете солнечных лучей, пробирающихся сквозь большие высокие окна, сложенные из небольших разноцветных стеклышек. Поверх туники Эннобар набросил тонкий плащ из овечьей шерсти, окрашенный в ярко-синий цвет, на котором серебрились сложные узоры.

Младший Ворон заворожено смотрел на королевский венец – гладкий широкий обруч из желтого золота, с боков которого свешивались золотые же подвески, усыпанные мелкими сапфирами и рубинами, а спереди сиял огромный синий сапфир, похожий на упавшую с вечернего неба звезду.

Слева от Эннобара на престоле поменьше сидела королева Блейр, его вторая жена, младше короля лет на двадцать, слегка располневшая после вторых родов, с волосами редкого золотисто-русого цвета, которые все придворные филиды воспевали как «сияющие», «золотые, словно солнце» и прочими лестными эпитетами.

Но Блейр привлекала внимание не только красотой: во всем ее облике отпечатались сдержанное благородство, кротость и доброта. Королева не принадлежала к четырем главным родам королевства, но зато ее род гордился чистотой своей крови, идущей от первопредков.

Миледи Воронов для первой встречи нарядилась в старинный костюм. Верхнее платье ее одеяния было соткано из тяжелой золотой парчи и расшито мелким розовым жемчугом от воротника до подола. Оно было наглухо закрытым и подвязанным кушаком из той же материи, густо усыпанным крупными изумрудами, топазами и сапфирами. Голову миледи покрыла кружевной тончайшей вуалью, расшитой серебряной нитью и мельчайшими белыми жемчужинками. На груди сияло массивное ожерелье из сапфиров, в центре которого сидел большой дымчатый топаз, тускло блестело несколько тяжелых золотых цепей, а руки сверкали от обилия тяжелых драгоценных перстней. Вдобавок ко всему миледи Воронов распустила роскошные темно-русые волосы, которые доставали почти до колен, вырываясь из-под вуали.

Она шла к престолу, сияя, как сказочная фея, и чуть заметно улыбалась Эннобару и Блейр. От нее нельзя было глаз оторвать. Стоявшие позади три брата впервые почувствовали себя настоящими высокородными и впервые увидели свою мать во всей ее ослепительной красе и знатности.

Миледи Воронов остановилась, не доходя до трона пяти предусмотренных этикетом шагов, и легко поклонилась обоим владыкам.

– Я искренне рад видеть тебя, Карей, миледи Воронов, – обратился к ней Эннобар.

– Мы просто счастливы, что вы сочли возможным посетить нас, – добавила королева, улыбаясь тепло и искренне.

– Для меня большая честь снова появиться при дворе и видеть вас, мои владыки, – снова поклонилась миледи (по наблюдениям многих придворных – едва заметно, почти пренебрежительно). – Кроме того, со мной прибыли три моих младших сына. С вашего позволения – Пятый, Шестой и Седьмой Вороны.

Красный, Дикий и Младший братья по очереди выступили из толпы и низко поклонились престолом. Младший чувствовал, что на него в эту минуту устремлены все глаза, а его фигуру, манеры и костюм разбирают по ниточке, и от стеснения у него все поплыло перед глазами.

– Рыжий похож на тебя, а оба темных – на Аодха, – заметил Эннобар.

Улыбающееся лицо миледи на секунду покрывала тень.

– О... Насчет Младшего вы ошибаетесь, мой лорд. Этот меньше всех похож на моего покойного мужа.

– Хм... – Эннобар пристально всмотрелся в потеющего от ужаса Младшего. Серые глаза короля зорко ощупывали атлетическую фигуру. – Ну, тебе, как матери, виднее... Я хочу объявить, что сегодня утренний прием закончится досрочно. Главное событие дня – это прибытие миледи Воронов. Посему я откладываю все дела, чтобы как следует принять нашу дорогую гостью.

С этими словами Эннобар поднялся с трона, спустился по ступеням, подошел к миледи Воронов, почтительно предложил ей руку, а потом торжественно повел ее в Зал Пиров. Королева спустилась с трона и подошла к Красному Ворону. Тот сообразил и тоже предложил ей руку. Блейр улыбнулась: ей понравился пригожий и обходительный Ворон. Она ласково смотрела на него светло-серыми, как дымчатый агат, глазами, подернутыми нежной поволокой. Красный повел королеву следом за Эннобаром и матерью, а за ними потянулись и все остальные.

Четверо старших Воронов стояли впереди толпы придворных. Когда мать проходила мимо, они низко ей поклонились, а миледи быстро кивнула в ответ.

На пиру миледи Воронов заняла место слева от королевы, которая, в свою очередь, сидела слева от Эннобара. Когда все расселись по местам, миледи Воронов подняла руку, прося внимания.

– Мой лорд Эннобар, – обратилась она к королю. – Моя миледи Блейр. У меня есть для вас один дивный горный цветок – Серебряное горлышко, чей голос заставляет забывать о тревогах и страстях человеческих.

Заявление вызвало всеобщее любопытство. У королевы глаза так и засияли: она очень любила всякие редкие диковинки. Миледи Воронов сделала знак Маргарет, стоявшей у стены, и та подтолкнула вперед бледную от волнения Эйнли, одетую в простое платье из голубого льна и с простой прической, украшенной голубыми же лентами.

Эйнли судорожно сглотнула, стараясь смотреть куда-то между королем и королевой. От волнения у нее все плыло перед глазами, и лица виделись смутно. Она набрала в легкие воздуха и запела, прикрыв глаза.

В Зале Пиров свод и стены давали идеальную акустику. Отраженный от стен сильный, чистый, глубокий голос поднимался вверх. Казалось, от него вибрировали кубки, кувшины, сердца и души. Сначала Эйнли немного не вытягивала, но потом выправилась, закрыла глаза, сосредоточилась, и голос ее полился полноводной вольной рекой.

Все, кто сидел за столами, заслушались. Эннобар прикрыл глаза и подпер щеку рукой. У Блейд на глаза навернулись слезы. Кто-то шумно высморкался. Слуги замирали, не донеся блюд до стола, служанки забыли о сплетнях, мужчины – о взглядах придворных красавиц. Все слушали чудную певицу, привезенную миледи Воронов. Эйнли допела и молча опустила глаза. Секунду стояла тишина, а потом зал взорвался восторгами и хлопками.

– Вот уж действительно Горный цветок, – с восхищением воскликнул Эннобар. – Миледи, вы по-прежнему умеете поразить. Очаровать, покорить... Вы совсем не изменились!

– Спасибо.

Видно было, что миледи польщена. Она отпила из кубка и милостиво кивнула замершей девушке.

– Вот, милая, возьми. – Королева Блейр протянула девушке медовый пряник, который взяла со своей тарелки.

Едва живая от волнения, Эйнли робко подошла к королеве и приняла из ее рук подарок. Слепнув и оглохнув, она побрела куда-то назад, кланяясь и пятясь. О ней уже забыли, а кто-то и обсуждал ее, не скрывая голоса. Бедная Эйнли готова была разрыдаться. Но тут ее за подол платья схватила жесткая рука.

– Вот дуреха, – прошипела госпожа Маргарет, силком усаживая девушку рядом с собой на лавку. – Не хватало еще опозориться на глазах у королевской четы! Сиди уж тут, потом с тобой разберусь.

Эйнли села, сжимая в руке пряник, и уставилась в тарелку. Ее трясло.

– Хорошо поёшь, заслушался, – сказал вдруг знакомый голос.

Эйнли подняла глаза. Через стол, прямо напротив нее, на мужской половине сидел Младший Ворон. Он улыбался ей, как старый добрый друг. Эйнли немного пришла в себя и тоже робко улыбнулась.

– А что королева тебе дала?

Младший перегнулся через стол.

– Вот, – показала пряник Эйнли.

– Интересно, вкусный? – задумался вслух Младший, рассматривая лакомство.

– Наверное, – растерялась Эйнли.

Она аккуратно разломилась пряник и протянула половинку Младшему.

– Ух ты! – обрадовался тот, забирая свою часть королевского подарка.

Одновременно они откусили по куску и принялись жевать, глядя друг на друга заблестевшими глазами.

– М-м-ням, – причмокнул Ворон. – Объедение! Из чего он?

– Тесто и варенье какое-то, – прожевав, определила Эйнли. – Так и тает во рту.

– Прекратите оба! – всполошилась госпожа Маргарет. – Вы в лесу, что ли?! Болтают, как в деревне! Сейчас будет петь Принц менестрелей! Замолчите немедленно!

Эйнли и Младший Ворон переглянулись и дружно фыркнули. Пряник королевы как-то вдруг примирил их с непривычной обстановкой.

* * *

В кабинете короля Эннобара жарко пылал камин. Король сидел в кресле. Роскошный плащ он снял, парадную тунику сменил на более простую, льняную серую и гораздо короче, но с такими же шнурованными рукавами.

Миледи Воронов по-прежнему оставалась в своем старинном платье, но уже успела снять вуаль, все драгоценности, а кушак заменила простым изящным пояском. Она ходила туда-сюда по комнате.

– Лиран Быстроногий доберется сюда только послезавтра к вечеру, – сказала миледи. – Поэтому я бы предпочла собрать Военный совет завтра в полдень.

– Как скажете, миледи, – согласился Эннобар и отпил из кубка вина. Миледи с неудовольствием покосилась на кубок, но промолчала. – Мы с вами ушли прямо с пира, не дожидаясь окончания. Может, позвать сюда ваших сыновей? – предложил Эннобар.

– Нет, с ними я встречусь позже, – отказалась миледи. – Сейчас же хочу обсудить с вами брак между моим сыном и вашей дочерью.

– Да, я бы хотел сочетать браком Лорну с одним из ваших сыновей, чтобы укрепить связь между родами, – сказал Эннобар. – Аодх был мне словно брат, мы резали руки и мешали кровь. Мои родные братья тоже умерли, а сыновей мне пока Небеса не послали. Потому я хочу опереться на ваших сыновей, как на своих собственных.

– Они все в вашем полном распоряжении. – Миледи остановилась и посмотрела королю в глаза. – Я по первому же слову отдала вам четырех старших, а теперь привезла и трех младших. Выбирайте в зятя любого.

– Я надеялся, что это сделаете вы, – отнекнулся Эннобар. – Вы же лучше меня знаете их характеры и качества, вам и решать, кто годится на роль будущего правителя.

– Мне? – В голосе миледи прорезалась сталь. – Вы забрали их у меня десять лет назад и хотите сказать, что за это время не изучили как свои пять пальцев?

– Есть еще три младших брата, – пробормотал смущенный Эннобар.

– Да, есть, – зло сверкнула глазами миледи. – Три брата, просидевшие всю жизнь в горах. Прекрасные охотники и большие знатоки того, что прячется под подолом у крестьянских девок. Вы предлагаете посадить на престол кого-то из них?

– Я надеялся, что вы дали им достойное воспитание. – Эннобар смотрел на миледи, открыв рот. – Конечно, лучше всего на роль жениха и короля подходил Старший...

– Но он уже женат, и не благодаря мне! – хлестко бросила миледи. – Равно как и ваша старшая дочь Рона – она уже обещана принцу Озерного королевства. Вы очень дальновидны, мой лорд, в вопросах политических браков.

– О браке с родом Озерных королев договаривались еще наши отцы, – мрачно сказал Эннобар. – Но мои старшие братья умерли, а мне у них невесты не нашлось – там третье поколение рождаются одни мальчишки. Когда на свет появилась Рона, я вынужден был заключить помолвку, обручив ее с одним из принцев еще тогда, когда она лежала в колыбели.

– Но мой старший сын! – не выдержала миледи. – Его брак произошел только благодаря вашему попустительству!

– И с моего одобрения, – признал Эннобар, выдержав взгляд миледи, хотя далось ему это и непросто.

– Знаю, иначе я бы этого так не оставила, – раздраженно бросила его собеседница. – Но как вы теперь собираетесь выходить из положения? Может, расторгнуть брак под благовидной причиной?

– Какой, например? – насторожился Эннобар.

– Например, скоропостижное вдовство моего сына, – мрачно обронила миледи.

– Невозможно! – ужаснулся король. – Морна – вторая дочь Лирана Быстроногого. Во-первых, он может узнать, во-вторых, сейчас нам как никогда нужна его поддержка. Грядет война, и...

– Хорошо, оставим, – подняла ладонь миледи. – Но можете не сомневаться, что мой сын горько пожалеет о своем непослушании. Итак, остаются еще пять сыновей.

– Вы хотите сказать, шесть? – поправил ее Эннобар.

– Пятеро, потому что урод не в счет, – оборвала его миледи. – Итак, пятеро Воронов на выбор. Мудрого отмечаем сразу. Если его допустить к власти, это обернется крахом. Дикий и Гордый – идиоты, Младший вообще ни на что не годится. Остается Красный Ворон...

– Почему это Гордый – идиот? – возмутился Король. – Один из лучших воинов королевства. Он храбрый, решительный и очень нравится людям. За ним готовы идти в битву, а молва славит за подвиги, красоту и веселый нрав. По-моему, миледи, вы промахнулись с выбором кандидата на престол.

– Да-а? – протянула миледи таким тоном, словно собиралась ударить короля по лицу. Эннобар даже непроизвольно откинулся в кресле назад и выставил перед собой кубок с вином. – Вы же пять минут назад сказали, что выбирать должна я?

– А вы сказали, что я лучше знаю ваших сыновей, – виновато напомнил Эннобар.

– Так мы с вами не сойдемся, – поджала губы миледи. – Правды тут нет, потому что каждый из нас выбирает того, кто ему ближе. Мы оба можем жестоко ошибиться, а от этого зависит не только дальнейшая судьба страны, но и наша с вами.

Эннобар глубоко задумался, уронив голову на грудь. Миледи стояла над ним, холодная, словно статуя. Жемчуг на платье тускло сверкал в отсветах огромного каменного очага.

Эннобар вскинул глаза.

– Тогда пусть выберет Лорна.

– Что? – переспросила миледи, решив, что ослышалась.

– Надо дать выбрать Лорне, – повторил Эннобар. – Как говорится, устами младенца говорит Небо. Пусть она сама выберет из ваших сыновей того, кто достоин стать ее мужем.

– Вы предлагаете доверить судьбу престола неразумной девочке? – Миледи смотрела на Эннобара, как на умалишенного. В серых холодных глазах отразились насмешка и презрение. – Это чушь!

– Судьба престола находится в воле Небес, – тихо ответил Эннобар. – Возможно, через чистую душу невинного ребенка они откроют нам свою волю. Тем более что мы не можем сойтись на одном кандидате.

Миледи прошлась туда-сюда по комнате. Она потерла пальцами подбородок, провела рукой по волосам. Потом она резко обернулась и сказала:

– Но Лорна – глупая маленькая девочка, которой нравятся красивые лорды и воины. Тут и гадать не надо: она выберет либо Гордого, либо Красного.

– Да, – кивнул Эннобар, улыбаясь. – Так и есть. Либо вашего, либо моего. На других она и смотреть не захочет.

– А вдруг ее заинтересует Младший? – принялась щипать губу миледи, сверля короля взглядом.

– Это вряд ли, у него отталкивающий шрам на лбу, – успокоил ее Эннобар. – А Лорна любит все красивое и привлекательное. Словом, женщина как она есть.

– Плохо вы знаете женщин, – криво улыбнулась миледи.

– Такие, как вы, – редкость, – сказал Эннобар. – Смотрю на вас и понимаю, почему Аодх так вас боялся...

Миледи улыбнулась чуть теплее.

– ...и почему он вас так безумно любил, – завершил король.

Глаза миледи приобрели цвет реки, покрытой зимним льдом.

– Это мне не интересно. Что ж, тогда завтра вечером, после ужина, Лорна сделает свой выбор.

– Хорошо, – кивнул Эннобар.

– А сейчас я пойду и повидаюсь с сыновьями, мой лорд.

Миледи Воронов чуть поклонилась, подобрала подол платья и двинулась к дверям. Эннобар долго смотрел ей вслед, вертя в руках бокал с вином.

Глава 7

Все братья встретились у дверей в покои миледи. Старший, Мудрый и Белый пришли вместе, за ними явился Гордый, а Дикий, Красный и Младший уже стояли и ждали, пока их позовут.

После десяти лет разлуки братья с любопытством рассматривали друг друга. Странно было видеть лица из воспоминаний, подернутые туманом времени, смутно знакомые и в то же время чужие. Семейное сходство у каждого в чертах преломилось по-особому, и теперь было интересно сравнивать и оценивать.

– О, вот и вся воронья стая в сборе, – первым широко улыбнулся Гордый. – Как вам, братья, столица нашего королевства? Простите, что не встретили с распростертыми объятиями, но все эти дворцовые порядки... Этикет, регламент и так далее...

– Мы очень рады всех видеть, – любезно ответил Красный Ворон. Его умные серые глаза внимательно разглядывали старших. – Дома вас не хватало.

– Не всем же сидеть при матушке, – поддел Гордый. – Некоторым мужчинам в роду приходится проливать кровь за своего короля.

Дикий Ворон вспыхнул и сжал кулаки, но Красный покосился на него, давая понять, что открывать рот не стоит.

– Братья, не обращайтесь внимания на сотника Гордого, – вмешался Старший. – Он сегодня либо опять встал не с той ноги, либо под ним конь захромал. Я искренне рад вас видеть. Как бы то ни было, мы – одна семья, и я надеюсь, что ослабевшие за десять лет узы родства теперь будут восстановлены. Для короля вы гости, но для меня, Хранителя Большой Королевской Печати, братья.

Старший подошел и по очереди обнял гостей из родного дома. С Красным вышли полноценные объятия с похлопыванием по плечу, с Диким они едва прикоснулись друг к другу, а Младший застенчиво и неловко наступил брату на ногу, вызвав общие смешки.

Тут распахнулась дверь, и оттуда выглянул Ройле. Увидев, что все братья в сборе, он произнес:

– Мои лорды, миледи желает вас видеть.

– А это еще что за чучело? – рассмеялся Гордый Ворон, пропуская вперед старших братьев. – Чем вы его кормили? Сырыми быками вместе со шкурой, рогами и копытами?

Миледи Воронов в простом сером платье из тонко выделанного льна сидела в кресле. Волосы были забраны в привычную сложную прическу, в ушах покачивались серьги из турмалина. Миледи смотрела на входивших сыновей, задумчиво касаясь подбородка указательным пальцем правой руки, на котором мягко переливался перстень с большим сердоликом теплого осеннего оттенка.

– А вот и наша дорогая матушка! – распахнул объятия Гордый Ворон. – Сколько лет, сколько зим! Позволь припасть к твоей груди, по которой я так истосковался... Хотя, если я ничего не путаю, твоей груди-то мне и не досталось, у меня же вроде кормилица была?

– Я вызвала вас для серьезного разговора, и у меня не так много времени, чтобы смотреть на шутовское представление, – выпрямилась в кресле миледи. – Замолчите и выслушайте меня.

– Ого! – рассмеялся Гордый, оборачиваясь на братьев, которые встали рядом в нескольких шагах от кресла. – Да матушка-то будет похлеще маршала Лаувена!

– Закрой рот, – сверкнула глазами миледи.

– Тю! – удивленно присвистнул Гордый. – Ну и обращение для нежной мамочки с сыном, которого она не видала десять лет! А где же слезы умиления? Где положенные случаю женские причитания?

– Ройле, – чуть повернула голову миледи к лесорубу, почтительно замершему возле ее левого подлокотника. – Пожалуйста, сделай так, чтобы мой четвертый сын больше меня не перебывал.

Гордый все еще улыбался, когда Ройле шагнул к нему. Четвертый брат был самым рослым из всех, но лесоруб возвышался над ним больше чем на целую голову. Никто не успел и глазом моргнуть, как Ройле с быстротой крупного лесного зверя схватил Гордого за горло правой рукой и поднял вверх, одновременно перехватывая левой рукой его взметнувшуюся для удара левую руку.

Все братья застыли в молчании. Гордый был крупным мужчиной в самом расцвете жизненных сил, опытным воином, владевшим искусством борьбы. Он оказывал бешеное сопротивление: пытался правой рукой разжать стискивающие его горло пальцы, вырвать левую руку из стального захвата, бил противника ногами.

Но Ройле стоял с каменным выражением лица, словно не ощущая тяжелых ударов, и медленно поднимал Гордого все выше, пока наконец тот не повис на его вытянутой руке, хрипя и задыхаясь. Лицо Гордого побагровело, глаза налились кровью. В свою очередь, у Ройле на лбу вздулись вены, а по вискам заструился пот, но это были единственные признаки того, что он прикладывает какие-то усилия. Лесоруб хранил глухое страшное молчание, и только глаза у него горели, словно у дикого зверя.

Ни один брат не пошевелился, чтобы помочь Гордому. Миледи сидела, спокойно глядя на расправу, и ждала. Ройле начал медленно сжимать пальцы, и Гордый забился, как заяц в силках. Лицо страшно исказилось, из стиснутого горла рвались клокочущие звуки. Ройле встряхнул его, а потом резко разжал обе руки и отступил. Гордый Ворон рухнул на пол и судорожно схватился за горло, растирая его, кашляя, захлебываясь и давясь воздухом.

Прозрачные льдистые глаза миледи холодно наблюдали за его мучениями. Младший и Белый Вороны отвернулись, Старший смотрел в пол, Дикий – на свои сапоги, и только Красный и Мудрый Вороны с любопытством разглядывали жертву.

Наконец Гордый Ворон кое-как отдышался и вскочил на ноги. Лицо его все еще не утратило зловещую красноту, волосы слиплись от пота в сосульки, на шее расплывались безобразные отметины. Он тер горло и смотрел на мать налитыми кровью и ненавистью глазами. Гордый открыл рот, но вместо слов из его горла вырвалось только сипение. Он сразу же скривился от боли и снова ухватился за шею.

– Спасибо, Ройле, – как ни в чем не бывало кивнула миледи. – А ты умолкни и слушай. Я знаю, о чем ты думаешь: будь у тебя сейчас меч, ты бы разделал моего телохранителя, словно свиную тушу. Но меча у тебя нет, а без него весь твой опыт против Ройле бесполезен. Притихни, иначе я прикажу Ройле содрать с тебя штаны и выпороть как следует ремнем, если уж ты забыл, какое наказание получал в детстве, когда дерзил матери и выказывал непослушание.

Гордый Ворон дернулся, но потом опустил голову. Вид у него был жалкий, руки тряслись так, что ходуном ходили.

– Итак, я собрала вас здесь по очень важному делу, – не обращая больше на него внимания, произнесла миледи. – Вы, мои старшие сыновья, живете при дворе и занимаете высокие должности, а потому лучше всех знаете, что грядет война. Она будет долгой, кровопролитной и разорительной для всего королевства. Меня это все волнует потому, что если Эннобар проиграет, то война затронет и Серые горы, а этого я допустить не могу. Там стоит наше родовое гнездо, и мы должны приложить все силы, чтобы война туда не дошла. Завтра утром Эннобар проведет совет, куда вместе со мной пойдешь ты, мой старший сын.

Старший Ворон медленно кивнул.

– Однако нам нужно решить еще один вопрос, – продолжила мать. – Вы все прекрасно знаете, как были дружны ваш отец Аодх Ворон и король Эннобар. Но ко всеобщему горю, мой муж десять лет назад скончался от раны, полученной в поединке за честь короны, оставив

короля без надежной опоры. Такой опорой должен стать один из вас. Тот, кто поведет к алтарю среднюю дочь короля, принцессу Лорну. Разумеется, им должен был стать ты, мой старший сын...

Миледи в упор взглянула на Старшего. Тот нервно провел рукой по волосам и сказал:

– Миледи, я полностью осознаю свою вину, крайне раскаиваюсь и желал бы принести вам все возможные извинения...

– Оставь их себе, – перебила мать. – Что сделано, то сделано, и говорить об этом не имеет смысла. Так вот, раз мой первенец встретил свою судьбу, обойдясь без моего участия, то породниться с королем должен один из вас. Мы с Эннобаром решили доверить выбор самой Лорне. Завтра вечером вы придете в покои короля, и тот, кто понравится ей больше остальных, станет ее счастливым женихом.

Дикий и Красный переглянулись. Белый Ворон стоял с отсутствующим видом, Мудрый смотрел на мать со своей неизменной полуусмешкой. Младший открыл рот и уставился на миледи во все глаза. Гордый все еще растирал горло.

– Да, конечно, – ответил за всех Старший. – Завтра я приведу братьев в покои Эннобара и подготовлю брачный договор.

– Отлично, – кивнула миледи. – А сейчас мне бы хотелось, чтобы вы все вместе пошли и посидели перед камином за приятной беседой, как и положено братьям. Мне же требуется отдых. Сегодня был тяжелый день, да и завтра предстоит непростой.

Миледи кивнула и протянула руку. Все братья по очереди подходили и целовали эту узкую белую кисть, сопровождаемые пристальным взглядом Ройле. Последним шел Младший, он же и закрыл за собой дверь, покидая покои.

– Моя госпожа, надо позвать служанок или миледи Маргарет? – спросил Ройле.

– Пока нет, – устало отозвалась миледи. – У меня совсем не осталось сил, не могу даже с кресла встать... Чтобы дойти до кровати.

– Может, мне помочь тебе? – простодушно предложил Ройле.

– Будь так любезен.

Миледи откинула голову на спинку кресла и в изнеможении прикрыла глаза.

Ройле примерился, осторожно поднял ее на руки и отнес на постель. Усаживая миледи на пышное ложе, Ройле краснел и старался не заглядываться на нее.

– Я так устала... – пожаловалась миледи, берясь пальцами за пояс и распуская его. – А от женщин столько шума... Не мог бы ты снова помочь мне?

– Конечно-конечно, – поспешно заверил ее Ройле.

Миледи села полубоком.

– Расшнуруй мне платье.

Ройле сначала попытался взяться за дело стоя, но с его ростом это было неудобно, а потому он тоже присел на ложе, заскрипевшее под его тяжестью. Бывший лесоруб осторожно потянул шнуровку, боясь сделать неловкое движение и порвать ее. Лоб покрылся потом, щеки покраснели от волнения. Ройле сопел и осторожно тянул шнурки.

– Можно не так трепетно, – усмехнулась миледи, завела руки назад и быстрыми резкими движениями распустила всю шнуровку. – А теперь помоги мне его снять.

Ройле, следуя указаниям, помог миледи избавиться от верхнего платья. Она осталась в шелковом нижнем, крепившемся только на поясных завязках. Второе платье миледи сняла сама, оставшись в тонкой льняной рубашке с открытыми руками и низким вырезом, едва доходившей ей до колен.

– Ну, видишь, не так уж это все и сложно, – заметила миледи, бросив по очереди оба платья на стоявшее у изголовья кресло. Потом она сняла тяжелые серьги и медленно распустила волосы.

Откинувшись на постели, миледи Воронов устроилась на высоких подушках, сунув под одну из них серьги, и прикрыла веки. Ройле стоял над ней, рассматривая нежную, словно яблоневые цветы, кожу, упругую грудь, вздымавшуюся в вырезе рубашки, и округлые колени. Миледи блаженно вздохнула и чуть раздвинула ноги. Рубашка поползла, задираясь, и обнажила стройные бедра. Ройле стало жарко – пот тек с него градом, но он не смел пошевелиться, чтобы утереть его.

– У меня все болит, – открыла глаза миледи и посмотрела на него взглядом, полным непереносимого страдания. – Особенно шея. У тебя такие сильные пальцы, не мог бы ты мне слегка размять ее?

– Конечно, – сглотнул Ройле, опускаясь на постель.

Его грубые огромные ладони несмело потянулись к шее миледи. На ощупь ее кожа была словно лепестки цветов. Серые, чуть помутневшие глаза смотрели на краснеющего Ройле в упор.

– Скажи, а у тебя есть невеста? – спросила миледи вкрадчивым, медвяным голосом, от которого у Ройле по всему телу хлынула волна мурашек.

– Ну, так-то мне отец присматривал, и даже сговор готовили, да все откладывали из-за денег, – ответил Ройле, мягко разминая миледи шею. Подушечки пальцев покалывало. – У меня две сестры, и надо было сначала их замуж выдать, чтобы с приданым, а то бы в девках остались. Потому со мной отец и не торопился...

– А ты любишь свою невесту?

Ройле замер: ладони миледи мягко легли ему на руки.

– Так-то она вроде хорошая девушка, – пробормотал Ройле. – Я, правда, ее особо не знаю, я же с раннего детства с отцом в лес ходил, мне особо некогда было с девушками миловаться, я с топором больше.

– Это... очень мило, – томно протянула миледи, и ее губы, оказавшиеся внезапно очень близко, слегка задели щеку Ройле.

С виду Ройле производил впечатление сущего бревна, но суровая жизнь в лесу выработала у него живой острый ум и умение быстро ориентироваться в непредвиденных обстоятельствах. К тому же красота миледи Воронов способна была вызвать желание даже в столетнем старце, а Ройле только недавно исполнилось семнадцать.

Как он избавился от одежды, Ройле потом и не вспомнил. На вкус губы миледи были словно молоко и мед, а когда ее ногти впились ему в спину, Ройле окончательно перестал понимать, на каком свете он находится.

Миледи прикусила ему кожу на плече и задушенно мычала, стараясь сдерживать стоны, пока ложе мерно скрипело в такт их слаженным движениям. В запале Ройле наставил своей госпоже синяков по всему телу, но в пылу любовной борьбы они этого не заметили. Опыта у Ройле не было никакого, но они с миледи каким-то чудесным способом сразу разобрались, что да как, и спустя немного времени Ройле вдавил госпожу в постель и охнул ей в ухо, зарывшись носом в пышные волосы.

Миледи некоторое время не двигалась, потом завопилась под ним и спихнула его с себя на постель. Волосы у нее растрепались, как у ведьмы в осеннюю бурю, губы вспухли, а лицо так и сияло. Рубашка находилась в полном беспорядке, но она на это не обращала ни малейшего внимания.

Ройле смотрел на нее и не мог признать в этой в один момент расцветшей женщине холодную и жесткую миледи Воронов. Тем временем миледи сыто потянулась, сладко-сладко, вся затрепетав от макушки до пяток, открыла глаза и посмотрела на него сверкающими веселыми глазами. Внезапно шелкнула Ройле по носу и захохотала, стуча пятками по кровати и колотя руками по подушкам.

Ройле смотрел на нее, опешив, и опасался, что она лишилась рассудка.

– И даже не вздумай сейчас ничего сказать, – сквозь смех выдавила миледи, всхлипывая и моргая мокрыми от слез ресницами. – Просто лежи и молчи.

Ройле никогда бы не посмел послушаться своей госпожи.

Глава 8

Королевский совет собрался за час до полудня. За столом сидели Эннобар, миледи Воронов, а также маршалы Лаувен и Рейстед, Хранитель Королевской Печати, лорд главнокомандующий Бран, лорд-казначей Роден, лорд старший советник Прент и старший полководец королевской гвардии Роланд. Все они с легким недоумением косились на невозмутимую миледи Воронов.

– Итак, друзья мои, я собрал вас на важный военный совет, – начал Эннобар. – Сорок шесть лет назад в сражении у Каменной реки мой отец разбил армию короля Лугайда.

– Помню, помню, – проворчал лорд старший советник, имевший прозвище Вепрь.

Когда-то лорд Прент был лучшим мечом королевства. О его подвигах слагали песни и баллады. В сражении при Каменной реке Прент удержал королевское знамя один против трех первых клинков Лугайда.

Сейчас же Вепрь приближался к порогу восьмого десятка. Его мощная фигура расплылась, нос разбух от злоупотребления вином, глаза слезились, руки тряслись. Прента мучили старые раны, особенно та, где засел кончик стрелы, попавшей в правую подмышку.

Наконецник застрял в легком, и месяц Прент находился между жизнью и смертью, харкая кровью и не поднимаясь с ложа. Но могучее здоровье и нестигаемый характер помогли Вепрю выжить. Он не только оправился, но и принимал участие в военных походах и турнирах.

– Остальные это вряд ли помнят, – мягко заметил Эннобар. – Сорок шесть лет мы жили в относительном мире, но сейчас Брес, внук Лугайда, который запутался в собственных проблемах и никак не может призвать к порядку своих вассалов, идет у них на поводу и готовится к войне. Месяц назад приезжали его посланцы и поднимали вопрос о возвращении Аутилиума со всеми прилегающими землями. Переговоры, как вам опять же известно, кончились ничем. С тех пор у нас есть все основания полагать, что Брес готовится к войне. Я считаю, нам надо нанести опережающий удар. Армия пополнилась новобранцами, которые уже прошли первую подготовку. Все воины вооружены за счет короны, всем выдана новая форма, подготовлены осадные орудия. Казна полна. Словом, я хотел бы узнать ваше мнение, ибо мое таково: пока мы готовы, надо ударить первыми.

Едва Эннобар замолчал, как подал голос лорд-казначей Роден. Это был полный мужчина среднего роста, чьи голубые большие глаза смотрели слегка сонно.

– Мой лорд, вы правы, – медленно заговорил он. – Однако война – дело дорогое. А у нас, как известно, возросли расходы по выплатам пенсий ветеранам, дороги нуждаются в ремонте, к тому же немалые средства ушли на организацию празднеств в этом году...

– Ты предлагаешь из-за ветеранов войну отложить? – взорвался Роланд. – Да сейчас лучшее время. Все уже забыли про старую войну, парней бабы нарожали крепких, здоровых, все в армию хотят, стоит объявить о наборе – коней и мечей не хватит!

– Все эти крепкие парни отличаются здоровым аппетитом. – Роден посмотрел на старшего полководца. – Кормить их придется за казенный счет, да еще жалованье выплачивать, а если они погибнут, то содержание их вдовам. Также придется нести расходы по вооружению, снабжению фуражом...

– Вот в таких, как ты, нет ни капли гордости за свою страну и короля! – заорал Роланд. – Жиром заплыл, в купца превратился! Тебя бы ко мне в полк, я бы тебе живо показал фураж!

– Не нужно ссориться, – осадил Роланда Эннобар. – Мы сейчас говорим о том, что война неизбежна. Мы решаем, как войти в нее с максимальной выгодой и минимальными потерями для Тамврата.

– Собрать армию, форсированными темпами перейти границу, ударить по Терифорду и прихватить Бреса за зад в его купальне, – снова влез Роланд, встряхивая своей растрепанной каштановой гривой.

– Лорд Роланд, выбирайте выражения, здесь же присутствует миледи, – проворчал Прент и глухо закашлялся.

– Вижу, и это мне непонятно, – резко ответил Роланд. – Что на военном совете делает женщина? Простите, миледи Воронов, это я не про вас лично, а вообще.

– А вообще, Серые горы могут выставить семьдесят тысяч вооруженных воинов, – ответил Эннобар. – Кого еще, кроме Лирана, вы знаете, кто способен дать нам такое войско?

Миледи мило улыбнулась Роланду в наступившей тишине.

– Кроме того, именно миледи Воронов принесла известия о том, что король Брес активно готовится к войне, – с нажимом произнес Эннобар.

– Откуда же у нее эти известия? – насмешливо спросил Роланд, оценивающе прощупывая глазами фигуру миледи. – Сорока на хвосте принесла? Во всяком случае, лорд-канцлер Горан таких сведений от своих разведчиков не имеет. Он же только недавно приходил к вам с докладом, мой лорд?

– Ворон принес, – вкрадчиво улыбнулась миледи, впервые нарушив молчание.

– Ну как ворону-то не поверить? – фыркнул Роланд. – Например, ваш сын, Гордый Ворон, отличается крайней правдивостью: как из борделя вернется, так всю истину выкладывает, скольких оприходовал да в каких позах.

– Лорд Роланд! – Эннобар побагровел до корней волос. – Либо вы принесете извинения, либо покинете Совет!

– Приношу свои извинения, – сразу прокис Роланд. – Отвык, знаете ли, дело с высокородными миледи иметь. Я все больше с гвардейцами, а с ними лоск быстро осыпается.

– Лорд Роланд, я запрещаю вам говорить до конца собрания, – оборвал его Эннобар.

Теперь настал черед Роланда краснеть и стискивать зубы.

– Я тоже считаю, что надо действовать на опережение, – сказал маршал Рейстед.

У него были жесткие, умные глаза цвета черной стали и бритый наголо череп с неприятным шрамом слева. Шрам напоминал уродливое пятно проказы – сплошные вздутые рубцы. Такой след на черепе Рейстеда оставила булава противника в одной из приграничных стычек на заре его карьеры. С тех пор волосы с этой стороны не росли, а потому он брил череп наголо.

– Предлагаю голосование.

Эннобар медленно поднял руку вверх. За ним потянулись и остальные. Не подняли руку только казначей и Прент.

– Ты тоже против? – удивился Эннобар.

– Я думаю, что с войной спешить не стоит, пока нет более достоверных известий, – твердо ответил Прент. – Нужны донесения разведчиков.

– Они будут на днях, – процедил сквозь зубы Рейстенд.

– В любом случае мы начинаем подготовку к войне, – заключил Эннобар. – Надо все обсудить детально, а завтра, когда прибудет наш союзник Лиран, уже иметь первоначальный план кампании.

– Мне нужно время, чтобы подсчитать расходы, – произнес Роден.

Эннобар взглянул на него.

– Расходы подсчитаем мы. А ты выдашь деньги. И еще надо заняться общей ревизией. Сколько можно потратить, чтобы страна не обнищала.

– Как повелит мой король, – поклонился Роден, пряча глаза.

* * *

Лорна весело шла за госпожой Нонной в покои отца. Ей нечасто доводилось там бывать. Обычно Эннобар сам приходил в детские комнаты, либо они встречались в покоях королевы. То, что ее пышно нарядили и красиво причесали, наполняло сердце Лорны предчувствием какого-то неожиданного праздника.

В комнате, где Эннобар вел личные приемы, Лорна с удивлением увидела семерых мужчин и одну женщину. Некоторых она знала: тут был Гордый Ворон, по которому втайне сохли все высокородные девушки, да и не высокородные тоже, Хранитель Печати, который всегда казался ей очень церемонным и неприступным, Мудрый Ворон, которого она панически боялась, и – тут Лорна весело улыбнулась – Белый Ворон. Тот, кто спас ее в башне и теперь был ее другом. Остальных Лорна не знала, и они все девушке не понравились. Особенно женщина с холодными серыми глазами и красивым, но надменным лицом.

При виде Лорны мужчины почтительно поклонились, а потом выстроились в ряд. Напротив оказались король Эннобар, сидевший в большом кресле, стоявшая миледи Воронов и Хранитель Печати.

Отец протянул ей руку.

– Милая Лорна, подойди ко мне.

Принцесса отвесила всем учтивый и очень изящный поклон, подошла к отцу и взялась обеими руками за его широкую ладонь.

– Дорогая моя, – ласково обратился к ней отец. – Ты же знаешь, что моим лучшим другом был Аодх Ворон?

– Да, мой лорд, – отозвалась принцесса. – Вы с ним дружили с детства, а потом он получил рану и умер.

– Все так, – кивнул Эннобар. – Но вот это – Вороны, сыновья моего друга Аодха. И мы с их матерью, миледи Воронов, решили породниться. Один из них станет твоим мужем.

– Да-а? – широко раскрыла глаза Лорна, разглядывая мужчин. – А кто?

– Решать тебе, – пояснил отец. – Можешь выбрать того, кто больше всех нравится. Он и станет твоим мужем.

– Правда? – обрадовалась Лорна. – Я могу выбрать кого захочу?

– Да. – Эннобар погладил дочь по щеке. – Можешь выбрать самого красивого из них, даже Гордого. Отказа ты не получишь.

– Спасибо, мой лорд. – Лорна в порыве чувств прижалась к отцу, а потом без колебаний развернулась, быстрым шагом подошла к Белому Ворону, с отсутствующим видом стоявшему после всех, и ухватила за руку.

Лица миледи Воронов и короля Эннобара одинаково вытянулись от непередаваемого изумления. Не меньше был поражен и Старший Ворон, который даже слегка приоткрыл рот.

Мудрый брат смотрел на сцену, как на разыгрываемое скучное представление, в которое вдруг вкралась неожиданно интересная сюжетная канва. Гордый сверкнул глазами и ухмыльнулся.

– Вот этот, мой лорд, – для пущей ясности сказала Лорна, глядя на окаменевшего альбиноса. – Я хочу в мужа лорда Белого Ворона.

Миледи Воронов выронила сумочку, которую держала в руках. Король Эннобар весь пошел алыми пятнами. Но Лорна на это внимания не обратила. Глядя снизу вверх на альбиноса сияющими светлыми глазами, она счастливо ему улыбалась.

– Лорна, дочь моя, – собрался с духом Эннобар, – это... Ты можешь выбрать любого. Посмотри, как красивы другие братья.

Дочь повернулась к нему.

– Да, я поняла, ты хорошо объяснил. Я могу выбрать любого, я и выбрала. Белый Ворон – самый красивый и хороший из всех. Мы станем мужем и женой, как и положено высокородным.

– Но почему именно этот?

Король не выдержал и вскочил на ноги.

– Ну, – на минутку растерялась принцесса, – потому что он мне нравится.

– Мой лорд, это зашло слишком далеко, – негромко сказала миледи Воронов, лицо которой превратилось в белоснежную маску. Только глаза горели от скрытой ярости. – Давайте закончим.

– Лорна... – сделал еще одну попытку Эннобар, на которого было жалко смотреть. – Возможно, ты передумаешь... Посмотри как следует...

– Что вы, мой лорд! – возмутилась его дочь. – Разве достойно высокородной миледи так метаться с выбором? Вы сами учили меня, что короли своих решений не меняют. Я уже выбрала – лорд Белый Ворон станет моим мужем.

– Боюсь, это невозможно, – резко произнесла миледи, скользнула вперед, и ее сильные пальцы взяли за плечо принцессы.

– Что вы делаете? – вскрикнула Лорна, когда миледи отдернула ее от альбиноса. Безвольная теплая ладонь выскользнула из ручки принцессы.

– Вашему высочеству здесь больше нельзя оставаться, вам следует отправиться к себе, – произнесла миледи, холодно посмотрев на нее.

– Но я не хочу! – Лорна резко выдернула руку, бросилась к альбиносу и прижалась к нему всем телом, широко раскрытыми и потемневшими от эмоций глазами глядя то на миледи, то на отца. – Мой отец-король сказал, что я сама могу выбрать и что мне не будет отказа. Зачем вы встреваете? Это вам надо уйти!

– Лорна, ты ведешь себя недостойно высокородной, – перебил ее Эннобар, у которого на щеках заиграли желваки.

– Отец! – Принцесса вдруг залилась слезами. – Но ты же сам обещал! Ты сам сказал! Ведь короли не меняют своих решений!

– Иногда королям приходится менять решения, – вмешалась миледи Воронов. – Мой лорд...

– Госпожа Нонна! – крикнул Эннобар, и в покои быстрым шагом вошла испуганная воспитательница. – Пожалуйста, сопроводите принцессу в ее покои.

– Но я не хочу! – зарыдала Лорна, отчаянно цепляясь за Белого Ворона. – Вы мне обещали! Не надо! Пожалуйста, отец! Нет, нет!

Эннобар смотрел на нее, и посиневшие его губы крупно вздрагивали. Миледи Воронов снова схватила рыдающую принцессу за плечо и, невзирая на протесты, оторвала от сына. Нонна приняла отбивающуюся Лорну, потащила ее вон.

– Пожалуйста! – визжала Лорна, захлебываясь слезами и упираясь изо всех сил. Она посмотрела мокрыми от слез глазами на своего избранника. – Лорд Белый Ворон, пожалуйста, ну скажите им, что я буду вам хорошей женой! Я правда буду хорошей женой! Пожалуйста!

На лице альбиноса в этот момент отобразилось крайнее страдание. Ногти до крови впились в ладони, хотя внешне третий брат старался сохранять спокойствие. Но тут и он не выдержал.

– Мой лорд, – обратился Белый к Эннобару сквозь крики принцессы. – Вы же понимаете, что это всего лишь детский каприз, причуда маленькой девочки. Не стоит ругать ее за такой необдуманный поступок.

Миледи Воронов метнула в него такой взгляд, от которого у альбиноса легко могли бы вспыхнуть волосы. Эннобар не ответил, а Нонне наконец удалось выгнать бьющуюся в истерике принцессу за дверь.

Эннобар провел трясущейся рукой по лбу и прошелся по покоям.

– Можете все убираться вон, – бросила миледи сыновьям. – Кроме тебя и тебя.

Старший Ворон молча кивнул, Белый просто остался на месте. Все остальные потянулись к выходу. Проходя мимо альбиноса, Гордый прошипел:

– Я с удовольствием вклеил бы тебе оплеуху, но ты и этого недостоин.

Белый дернулся всем телом, словно от удара, но губы его остались сомкнутыми.

– Вот поэтому никогда нельзя доверять выбор Небесам: они могут выбрать так, как совершенно не годится для земли, – сдерживая злорадство, сказала миледи посеревшему Эннобару.

– И что теперь? – глухо спросил король.

– Мы сейчас заключим брачный договор, в который впишем имя Лорны и титул лорда Ворона, оставив пустое место перед ним, – решительно заявила миледи. – А имя жениха внесем уже после войны. Мало ли что может случиться. Но, во всяком случае, у нас всегда будет выбор, и всегда под рукой окажется нужный Ворон.

Эннобар посмотрел на нее, а потом медленно кивнул, соглашаясь. Старший Ворон составил договор, и все трое поставили под ним свои подписи. Хранитель Печати достал принесенную тяжелую золотую печать с портретом и гербом короля и приложил к договору.

– Дело сделано. – Миледи знаком показала, чтобы Старший убрал договор. – Разрешите вас оставить. А ты иди за мной.

Белый Ворон послушно отправился следом за матерью. Снаружи к ним присоединился Ройле. Миледи не проронила ни слова до самых своих покоев. Внутри она резко обернулась к сыну и выпалила:

– Небеса покарали меня дважды: в день, когда меня выдали замуж, и в день, когда я извергла из своего живота тебя. Сегодня они чуть не посмеялись надо мной в третий раз, но этого я больше не допущу. Ты сегодня же должен уехать из дворца и вернуться в Твердыню Воронов.

– Да, миледи, – поклонился альбинос, глядя в пол.

– Возьми у Каэрвена двадцать золотых на дорогу и воинов для сопровождения, – велела мать. – И оставайся в замке до моего возвращения: полновластным лордом и законным хозяином. Лето на исходе, пора горячая, нужна хозяйская рука, да и мне требуется свой человек на Вороньем престоле, если война вдруг застигнет меня в столице. Ты все понял?

– Да, миледи, – снова поклонился Белый сын.

Миледи какое-то время сверлила его взглядом, а потом кивнула:

– Иди.

Белый Ворон послушно повернулся и вышел из покоев. Сначала он прошел к себе, сел в кресло и обвел пустым взглядом привычную обстановку. Третий брат прожил здесь десять лет, оброс вещами, книгами, мебелью, и вот сейчас надо за несколько часов отобрать самое важное, а остальное бросить. Уйти, покинув привычный дом, уклад, круг знакомств, пусть узкий, но милый сердцу.

Белый Ворон поднялся и походил туда-сюда по комнате. Все ценное и нужное взять не получится, это очевидно. Тогда альбинос открыл шкаф и попытался сообразить, какой одеждой следует запастись в дорогу.

Платье для парадных приемов и официальных визитов он убрал обратно в шкаф. Взял запасной плотный плащ, кожаный, длинный, с подбивкой из волчьего меха. Отобрал три комплекта ежедневной одежды, в которой ходил на вызовы. В один облачился, еще два убрал в сумку.

Долго перебирал пузырьки и флаконы с настойками и препаратами. Решил взять с собой самые редкие и дорогие. В мешочек увязал несколько безделушек – кольцо, подаренное одним вельможей за оказанные услуги: яркий янтарь в серебряной оправе; расшитый мелким жемчугом и крошечными рубинами пояс; тяжелый золотой браслет, старинный, с вычурными узо-

рами. Вещь приглянулась ему в лавке собирателя древностей, и продавец с острым взглядом уверял, что это не только украшение, но и сильный оберег.

В тот же мешок с одеждой Белый Ворон запихнул пару сапог и две пары ботинок. Одни для зимней непогоды, на меху, на толстой подошве и с высоким каблуком, вторые более простые – мягкие, прошнурованные, из неказистой бычьей кожи. В итоге, как альбинос ни старался, скарба собралось порядочно, и он с трудом смог поднять мешок. А ведь оставались еще книги!

Белый Ворон в бессилии остановился перед шкафом. Библиотека с пособиями по медицине, научными трактатами и редкими фолиантами была его гордостью. Ровно двадцать шесть книг: он собирал их десятилетие, тратя почти все свои деньги. И сейчас с ними предстояло расстаться...

Альбинос долго гладил слегка дрожавшими пальцами корешки, шептал названия. «Строение человеческого тела и назначение четырех основных жидкостей, а также их взаимодействие друг с другом и с небесными телами» – легендарный труд астролога, анатома и чародея Лугнарада, жившего почти триста лет назад, по которому сегодня учились медицине во всех основных академиях материка. Книга известная, Белый Ворон знал ее почти наизусть.

Альбинос встряхнулся и решительно достал все книги из шкафа. Сложил в сундук и тщательно запер. Сундук могут доставить следом за ним. В сумку он убрал только самую редкую и бесценную книгу из библиотеки, *Speculum essentias*, древний труд анонимного автора, в котором рассматривались яды и их действие, а также сложные и спорные методы лечения травами. Каждую страницу книги приходилось расшифровывать, потому что язык был архаичен, полон иносказаний и эпитетов, а сами рецепты – очень своеобразными. Белый Ворон лишь два раза осмелился применить вычитанные оттуда методы, один раз на себе, второй – в безнадежном случае, и результат превзошел все ожидания.

Засунув драгоценную книгу в суму, которая надевалась на тело под сюркотт, Белый Ворон запихал туда же мелкие предметы обихода вроде расчески, зубной щетки, платков и прочего, собрался с духом, взвалил на себя сумку и мешок и пошел в покои, где расположился Каэрвен.

– Да, да. – Оказалось, начальник стражи Воронов его уже ждал. – Жаль, конечно, что вам приходится отбывать столь поспешно, но я выделю вам десять человек сопровождающих. И вот еще двести золотых, триста серебряных и пятьсот медяков на путевые расходы.

– Так много? – поразился Белый Ворон.

– Распоряжение миледи, – развел руками Каэрвен.

– Но это бессмысленно, – возразил альбинос. – Зачем столько охраны одинокому путнику? Или это охрана, которая не позволит мне сбежать?

– Небеса всеблагое, – обиделся Каэрвен. – Миледи ничего такого не говорила.

– Но могла подразумевать, – пылливо посмотрел на него Белый Ворон.

– Она просто беспокоится о вашей безопасности, на дорогах нынче беспокойно, – возразил Каэрвен. – Но я бы, честно, тоже дал вам одного из парней. Не хочется гонять ребят туда-сюда, они еще от перехода не отошли. Да и потом, вы уже к вечеру седьмого дня будете в Серых горах, вас встретят. Чего миледи так переживает, понять не могу.

– Ты можешь сказать ей, что я отказался от охраны, – предложил Белый Ворон.

– Нарушить распоряжение? – испугался Каэрвен. – А то вы ее не знаете: миледи меня на куски растерзает.

– А ты вали все на меня, – улыбнулся альбинос. – Сам подумай – зачем мне столько людей и денег? Я возьму десять золотых, двести серебряных и триста медных. Хватит за глаза.

– Звучит очень разумно, – заколебался Каэрвен. – Тем более что вы поедете по Большому тракту, там встречаются конные патрули Черных гвардейцев, да и ночевать в тавернах будете...

А расходы лишние сейчас ни к чему. Ну, на ваш страх и риск. Так и скажу миледи – мол, уперлись и отказались наотрез.

– Да, так и скажешь, – кивнул Белый Ворон, почувствовав странное облегчение. – Я оставил в своих покоях сундук с книгами, очень прошу, проследи, чтобы его прислали вслед за мной в Твердыню, когда поедете обратно.

Каэрвен отвел его на задний двор дворца, где стояли огромные гостевые конюшни. Там он выделил Третьему Ворону высокого вороного жеребца и, пыхтя, отсчитал ровно столько монет, сколько тот сказал. Тем временем пришел молодой стражник, лица которого Белый Ворон не помнил: видимо, в те времена, когда он еще жил в родном гнезде, этот парень был совсем ребенком, ему и сейчас было не более пятнадцати.

– Вот, это Трайни, – представил его лорд Каэрвен. – Он поедет с вами. Вы не смотрите, что молод! Он отлично топором владеет, зоркий, храбрый, а в седле держится, как будто в нем и родился.

– Хорошо. – Белый Ворон посмотрел на Трайни и отметил про себя, что тот явно не радуется ни знакомству, ни поездке. – Ну, я готов.

– Храни вас Небеса.

Каэрвен церемонно раскланялся и помог лорду сесть в седло.

Трайни также забрался на кобылу такой же масти, что и жеребец, и они медленно двинулись со двора.

Белый Ворон не оборачивался на замок, хотя очень хотелось. В сущности, ему нечего было тут жалеть, кроме своих книг и комнат, но в сердце острой занозой засело воспоминание о принцессе Лорне. Белый Ворон чувствовал, как будто в нем что-то сломалось в тот момент, когда он смотрел на слезы девочки и слушал ее крики.

Он не питал иллюзий: это всего лишь неожиданный каприз романтично настроенной девочки, слишком рано начитавшейся баллад и романов, наслушавшейся от высокородных девушек про любовную науку. Но все же сердце ныло, и Белый Ворон погрузился в глубокую задумчивость.

Третий ехал по улицам, уронив голову на грудь, и неосознанно тер правое запястье. Там немного жгло, словно от укуса насекомого. Но если бы Белый Ворон оторвался от своих раздумий и посмотрел на внутреннюю сторону запястья, он бы увидел, как там проступает тонкими царапинами некий символ, похожий на птичий след на снегу. Ровно в том месте, где руки альбиноса мимолетно коснулись пальцы миледи Воронов, так, что он этого не заметил.

Глава 9

Во дворце шел пир. Ярко пылали факелы на стенах, ослепительно сияли светильники. Играла музыка, шумела разношерстная толпа, ломились от яств и напитков столы. Эннобар был весел и часто поднимал полный кубок, призывая всех отдать дань Богу Хмеля.

Младший Ворон стоял у выхода на балкон, наблюдая за танцующими в центре залы. Сам он танцевать не умел и не любил. Но уйти с пира не мог: миледи Воронов приказала всем сыновьям осваивать придворные порядки.

Вдруг Младший брат увидел на противоположном конце залы хрупкую фигурку, точно так же жмушущую к балкону. Младший Ворон улыбнулся и стал торопливо пробираться по стенке туда. Эйнли, словно почувствовав его взгляд, обернулась. Ее щеки вспыхнули румянцем, а глаза заблестели.

– Вы разве не танцуете? – спросила она.

– Нет уж, это без меня, – ответил Младший. – У меня и так голова разболелась.

– Но это же так весело! – воскликнула Эйнли, замороженно наблюдая за танцорами. Мелькали пышные платья, сверкали драгоценности. – Я бы на вашем месте плясала до утра!

– Так отчего не спляшешь? – спросил Младший.

– Что вы, на королевском пиру танцуют только высокородные! – возмущенно заметила Эйнли. – Я рада уже и тому, что могу смотреть, как они ловко кланяются и изящно кружатся. А уж музыка какая – словно с неба льется!

Младший пожал плечами. Конечно, на бедную деревенскую девушку блистательный пир во дворце должен был произвести неотразимое впечатление. Он уже собрался предложить Эйнли принести ей лакомство со стола или кубок вина, как вдруг его окликнули:

– Лорд Младший Ворон, приветствую вас.

Младший обернулся и поспешно поклонился: к нему подходила высокая красивая девушка с густыми каштановыми кудрями, щедро рассыпавшимися по плечам. Гибкую фигуру облегал струящееся и многослойное верхнее платье из синего шелка, расшитого золотом и серебром. Поверх платья крепилась льняная накидка ярко-красного цвета, которая не скрывала рубинового ожерелья с подвесками из разноцветных камней.

– Доброго вечера вам, принцесса Рона.

Старшая дочь короля довольно улыбнулась и протянула руку для поцелуя. Ей уже исполнилось семнадцать, и она была очень хороша: румяные щеки, ярко-голубые, отцовские, глаза, его же упрямый подбородок и высокий лоб. Портит красоту принцессы только пустой взгляд, в котором мелькали тщеславие и надменность.

После вторичной женитьбы отца Рона, которая была первой дочерью и которую баловали все подряд, сначала замкнулась в себе. Думали, это от горя, но принцессу обуревали совсем другие чувства. Рона неистово злилась на отца, на мачеху и на всех придворных, которые, едва завершился траур, тут же забыли о почившей королеве и принялись уговаривать Эннобара жениться вновь, чтобы обзавестись наследником.

Рона старательно занималась с воспитательницами, преуспевая в науках и манерах, старательно играя роль достойной дочери короля и будущей королевы. Но изнутри ее грызли обида, боль и страх, иной раз такие сильные, что нежно улыбающейся на публике принцессе было тяжело дышать.

Рона прекрасно понимала, что, родись у отца наследник, ей уже не видать ни трона, ни наследства. Покойная королева, которую Эннобар взял по сговору в одном из четырех главных родов королевства, была образцом благородной миледи, хотя и не отличалась особой красотой. Но она была умна и умела обходиться с мужчинами.

Эннобара жена устраивала, и он даже не изменял ей в надежде получить сына. Но первой родилась Рона, чему Эннобар искренне обрадовался. А затем наступили не лучшие времена: у королевы оказалось слабое здоровье, по которому роды нанесли непоправимый удар. Через три года у нее случился выкидыш, и лекари осторожно намекнули королю, что надежды на наследника немного.

Эннобар воспринял новость стойко, и во дворце начали судачить, что у венценосных супругов теперь исключительно дружеские отношения. Королева знала об этих слухах, но ей достало характера улыбаться на пирах, сидя по левую руку от мужа и приветствуя высокородных миледи, каждая из которых смотрела на нее жадными глазами, в которых слишком откровенно читалось желание занять ее место в королевской постели. Результатом стало то, что еще через полтора года у королевы случился новый выкидыш, и уже на позднем сроке. От этого она уже не оправилась. Болезнь убивала ее постепенно: королева таяла, иссыхая и теряя молодость и красоту.

Эннобар старался держаться, но искусов было слишком много, хотя король приложил все усилия, чтобы поддерживать у супруги иллюзию счастливой семьи. Помогали отвлечь королеву от мыслей о болезни и ее занятия с Роной, которая, не понимая всей серьезности дела, росла капризной и гордой, рано понявшей свое особое место и пользующейся всеми привилегиями. Но когда Роне исполнилось десять лет, королева закрыла глаза навсегда.

Эннобар год носил траур. А потом как-то отправился на охоту к одному из своих вассалов, живших поблизости от Железного леса. У лорда Сосен было несколько дочерей, и одна из них, пышная красавица с чудесными волосами, была так кротка и так ласково смотрела на высокого гостя, что сам Безгрешный Фелид перед ней бы не устоял.

Наутро Эннобар заглянул в голубые глаза девицы Блейр, отдавшей ему свою невинность, оценил при свете дня ее роскошное тело и дивные волосы и понял, что, как честный высокородный, обязан на ней жениться.

Когда Рона узнала, что отец привез во дворец мачеху, с ней случился тихий припадок – девочка спряталась в одном из подвалов и истыкала булавками свою канарейку так, что птичка сдохла. Роне этого показалось мало, и она истыкала той же булавкой и свою левую ладонь. Последнее оказалось очень больно и некрасиво, и Рона поняла, что зло надо срывать на других. Причем лучше всего исподтишка.

– Что это вы стоите рядом с прислугой, – очаровательно улыбнулась принцесса Младшему Ворону, подавая ему руку.

– Смотрю, как танцуют, – ответил Младший, который не мог понять, что от него понадобилось принцессе.

– Не лучше ли самому присоединиться к веселью? – намекающе подняла бровь Рона, которая не торопилась забирать руку.

– К сожалению, я совершенно не пригоден к танцам, – покаялся Младший, стараясь сделать самое глупое выражение лица, на какое был способен.

Принцесса подарила ему долгий взгляд.

– Я могу вас научить.

Младший облизнул губы, не решаясь на отказ. Ситуация создалась щекотливая.

– Боюсь, даже все ваше женское терпение и кротость тут будут бесполезны, – раздался веселый голос, и рядом с Роной возник Красный Ворон, разряженный в пух и прах.

Он отвесил ей витиеватый поклон, ловко подхватил под руку и увлек в музыку и смех. Как раз начался бранли, и весь огромный зал буквально звенел от смеха, хлопков и притопывания.

Красный Ворон изящно подпрыгнул и повел Рону вприскачку. Щеки у обоих покраснелись, глаза весело блестели.

– Простите мою дерзость! – крикнул он на ухо принцессе. – Но мой Младший брат музыклен, как медведь, и столь же учтив. Он бы до завтра стоял и хлопал на вас глазами.

Рона звонко рассмеялась. Красный Ворон смотрел на нее мягким, чуть дерзким, чуть зовущим взглядом, в котором отображалось немое обожание и плясали веселые искорки. Рона почувствовала себя так, словно вышла утром в сад и полной грудью вдохнула аромат роз и ландышей.

Красный Ворон лихо прыгал вокруг нее, улыбался, строил смешные рожицы, а его забавные ужимки заставляли Рону хохотать и краснеть. Они проскакали в бранли весь зал по кругу три раза, нахлопавшись и натоппавшись, и Красный Ворон, не дав принцессе опомниться, ловко утащил ее на балкон, устроив в мягкое маленькое креслице, и тут же подал ей бокал ледяного ягодного вина и нежный пирожок с воздушным кремом.

– Смотрю я, брат на вас вовсе не похож, – заметила Рона, когда отдышалась.

– Что есть, то есть, – шутливо поклонился Красный и осторожно присел на подлокотник кресла, так, чтобы не нависать над принцессой, но быть к ней близко. – Он у нас лучше ладит с конями и собаками, чем с девушками. Как-то, помню, ехали мы с охоты, а на дорогу возьми да выбеги кабан.

– Ах! – округлились глаза у Роны.

– Что? – притворно удивился Красный Ворон. – Вы никогда не видели кабана? Это такая, знаете ли, серая большая свинья. Иногда с клыками.

– Да я знаю, что такое кабан, – хихикая, возмутилась Рона и слегка стукнула кубком Красного по локтю.

– О, это делает честь вашим познаниям живой природы, – отвесил тот новую любезность. – И вот мой Младший брат так рявкнул, что кабан с визгом скрылся в кустах и, судя по всему, скоростно скончался от удара.

Рона расхохоталась совершенно неприличным для принцессы образом.

– Но потом нам встретилась по пути крестьянка, молодая и довольно симпатичная, которая вздумала предложить ягод из своей корзинки, – невозмутимо продолжал Красный. – Так вот... Мой Младший брат, удирая от нее, развил такую скорость, какой позавидовал бы тот самый кабан, ежели бы не помер от удара!

Рона так хохотала, что едва не облилась вином. Красный склонил голову к плечу и мило улыбался, беззастенчиво разглядывая ее лицо и грудь.

– Вы ешьте, а то обессилеете, и придется мне вас на руках нести, – сказал он. – А учитывая ваших поклонников, это большой риск для моей юной жизни.

– Это не составит для вас никакого риска, – слегка помрачнела Рона, отпивая вина и откусывая пирожок.

На лицо принцессы легла тень. Красный сразу уловил перемену в ее настроении и решил рискнуть:

– В жизни не поверю, что вокруг вас не толпятся обожатели.

– Толпятся, но на приличном расстоянии. – Рона доела пирожок и отряхнула крошки с рук и платья. – Особенно с тех пор, как меня просватали за принца Озерного королевства. Одно дело добиваться внимания будущей королевы, другое – невесты чужеземного владыки.

– А чем плохо быть невестой чужеземного владыки? – попытался подбодрить девушку Красный Ворон. – Какая разница, где сидеть на престоле?

– Для меня большая, – отрезала Рона. – В чужой стране я всегда буду чужеземкой, не имеющей ни корней, ни связей. Никем, хоть на престоле и в короне. А тут я стала бы полноценной королевой, особенно если бы выбрала достойного мужа.

– Кстати, мы с вами скоро породнимся, – наклонился и заговорщицки шепнул Красный Ворон. – Один из моих братьев станет мужем вашей младшей сестры, Лорны.

Рона резко встала с креслица. Ноздри ее затвердели, глаза потемнели. Она в упор посмотрела на Красного Ворона.

– Кто именно?

– Это пока неизвестно, – тоже поднялся Красный. – Видите ли, выбор вашей сестры не устроил ни вашего отца, ни нашу мать. Представьте, она выбрала Белого Ворона.

– Альбиноса? – поразилась Рона, некрасиво наморщив лоб. – Но он же гадкий! Эта девчонка никогда не отличалась ни вкусом, ни королевским достоинством. Я бы на ее месте...

– Что вы бы на ее месте?

Красный Ворон стоял совсем близко к принцессе, глядя на нее сверху вниз странно блестящими глазами. Он вдруг показался Роне таким красивым и властным одновременно, что у нее закружилась голова, а между ног стало влажно и жарко.

– Я бы выбрала кого-нибудь более достойного, – выдохнула принцесса, ощущая, как к щекам приливает кровь, а сердце гулко бьется в груди.

Вопрос о ее замужестве был решен еще при жизни королевы, а потому высородные мужчины относились к ней с почтительной вежливостью и сдержанным восхищением, не выходящим за рамки этикета.

Рона всегда чувствовала себя словно отрезанной от настоящей жизни и мужского внимания. Впервые в жизни молодой красивый лорд смотрел на нее таким взглядом, да еще находился так упоительно близко.

Принцесса прикрыла глаза и замерла с приоткрытым ртом. Красный Ворон подался вперед, закрывая ее собой и одновременно сдвигая в укромный угол, где собралась густая тень от ползушего по балкону пышного вьюна.

Рона слегка дрожала от предвкушения, сладкого испуга и возбуждения. Губы их легко соприкоснулись, а твердая сильная рука скользнула по девичьей груди, щупая ее сквозь плотную ткань. Рона задохнулась и закрыла глаза, опасаясь рухнуть на пол: так резко ослабли вдруг колени. Но сильные руки подхватили ее и прижали к жесткой груди, а теплые губы ласково продолжали легкий поцелуй. Когда Красный Ворон отодвинулся от девушки, ресницы Роны были мокрыми, а грудь судорожно вздымалась. Она оперлась на руку лорда, дрожащими пальцами поправляя прическу.

– Надеюсь, вы не попросите у своего отца мою голову, – глядя на нее прожигающим насквозь взглядом, почти прошептал Красный, наклоняясь и влажно целуя принцессе руку.

– Н-нет... – Рона смотрела на него, как на спустившегося свыше Небесного воина. – Вы... вы...

– Если вы позволите мне, – горячо зашептал Красный, – я стану самым преданным вашим лордом. Разрешите мне носить ваш платок!

Рона могла только выдохнуть нечленораздельные охи. Она быстро достала кружевной платок со своими вышитыми инициалами и протянула Красному Ворону. Тот быстро спрятал платок на груди, подхватил принцессу под руку и повел ее обратно в зал. И вовремя, потому что на балкон уже вышли две пожилые миледи, обмахивающиеся платками и так и впившиеся в парочку подозрительными взглядами.

* * *

Дикий Ворон в одной нижней рубашке развалился на постели, опираясь на подушки, и швырял виноградины в своего любимого волкодава, который огрызался на него из угла. Каждый раз, когда виноградина попадала псу по носу, Дикий довольно скалился.

– Говоришь, сразу потекла? – переспросил он.

– От одного поцелуя была на все готова, – отозвался Красный.

Он в таком же виде сидел в кресле, пил вино прямо из кувшина и рассматривал пальцы на своих ногах, которые закинул на подлокотник и вытянул вверх.

– Ха, ну ты дальше-то своего не упустишь? – заулыбался Дикий.

– Пока лучше притормозить коней, вдруг ее девственность регулярно проверяют? – Красный отхлебнул вина. – Скандал будет.

– Можно подумать, нельзя позабавиться с девицей, не распечатав ее кувшинчика, – проворчал Дикий и сунул очередную виноградину в рот. – Вспомни ту купецкую дочку, с которой мы славно поразвлеклись на сеновале ее же папаша! Причем вдвоем и сохранив при этом ее невинность.

– Не думаю, что поставить принцессу Рону на четвереньки и оприходовать с двух сторон – хорошая идея. – Красный брат снова отхлебнул вина. – Все-таки есть разница между дочерью короля и дочерью купца.

– По мне, так все бабы одинаковые, если их раздеть, – пожал плечами Дикий. – Плевал я на условности. В древности никаких королей не было и рассчитывали только на свои кулаки.

– Иди и скажи об этом миледи, – предложил Красный.

– Ни в жизнь, – ужаснулся Дикий. – Но зачем тогда тебе волочиться за этой принцессой, если ты не собираешься прогуляться по ее садочку?

Красный откинул голову на спинку кресла.

– Ну, второй-то принцессе я явно не по вкусу, так что надо попробовать в другом месте.

– Так она просватана, кто ее за тебя отдаст! – фыркнул Дикий.

– Кто знает, кто знает... Судя по всему, она не очень-то рада своему будущему замужеству.

– А кто ее спрашивает? – Брат удивленно посмотрел на него. – Кому ее мнение вообще интересно?

– Тому, кто может использовать это в своих целях, – поболтал кубком Красный.

– Никак на трон нацелился? – прищурился Дикий.

– Думаю, миледи надеялась, что Лорна выберет меня. Так что трон весьма вероятен.

Дикий расплылся в улыбке.

– Хочешь примерить корону?

– А ты нет? – съязвил Красный.

– Вот уж избави Небеса, – искренне отказался Дикий. – Я хочу домой – к свободе, бабам и охоте.

– Мы с тобой не первые в роду, чтобы обольщаться перспективой на замок и отцовский престол, – вздохнул Красный. – Надо уже сейчас задумываться о будущем.

– Ну вот ты и думай, – зевнул Дикий. – Я всегда с тобой, но на корону мне наплевать.

Глава 10

Утром ко двору прибыл король Приморья Лиран Быстроногий. Прозвище свое он получил вовсе не за рекорды в беге, а за владение прекрасными кораблями, равных которым не было во всем Королевстве. Эти стремительные парусные суда успевали везде и всюду, а сам Лиран слыл не только умным и проницательным королем, но еще и опытным капитаном.

Отец Эннобара даровал отцу Лирана право на свободное владение своими землями в тесном союзе с Тамвротом за то, что тот поддержал его во время битвы у Каменной реки. С тех пор Лиран всеми силами стремился выказывать Эннобару уважение и дружбу, прекрасно понимая, что Приморье всего лишь часть Тамврота и вся его королевская власть держится благодаря помощи могущественного соседа. Который в любой момент может напомнить Лирану о том, что его отец был всего лишь вассалом.

Когда Старший Ворон явился просить руки средней дочери Морны, Лиран одновременно обрадовался и забеспокоился. Породниться с родом Воронов, одним из четырех великих родов, было почетно, но вместе с тем и опасно: про миледи Воронов шла дурная слава, а после кончины Аодха род остался без главы. Таким главой со временем должен был стать старший сын, который уже подавал блестящие надежды при дворе, да еще и настолько вошел у Эннобара в милость, что тот назначил его Хранителем Печати, фактически сделав своей правой рукой.

Лиран прекрасно понимал, что Эннобар сам хочет закрепить связь с родом Воронов через брак одного из сыновей Аодха и своей средней дочери Лорны. Потому Лиран некоторое время тянул с ответом, стараясь выяснить настрой Эннобара. Однако король поддержал выбор Старшего Ворона и освятил брак у алтаря, что было не только жестом почета, но и фактически делало Эннобара вторым отцом для брачующихся.

Лиран понимал его стремление скрепить государственные связи кровным родством, а потому с охотой отдал Морну будущему главе рода Воронов. Правда, впоследствии выяснилось, что миледи Воронов своего согласия на брак не давала и Старший женился если не вопреки ее воле, то и никак не по согласию. Это сулило неприятности.

Вот почему, явившись на совет к Эннобару, Лиран со своим старшим сыном, принцем Куленом, сразу отправился в покои Старшего Ворона. Зятя он на месте не застал, зато сразу же попал в объятия счастливой Морны.

– Отец, я так рада! – дочь ластилась к Лирану, не зная, куда его посадить и как приветить. Даже расплакалась.

– Ну, разве ла сырость, – притворно поморщился Кулен, хотя и сам сиял от радости.

– Ничего, дочери Приморья сырости не боятся, – заступился за нее Лиран. – А где твои сыновья?

– Приведи детей! – крикнула Морна воспитательнице.

Лиран залюбовался дочерью: в материнстве она расцвела и стала еще красивей. Тем временем привели внуков, глазастого шестилетнего Ангуса и пухлощекого крепыша Альпина.

Лиран усадил обоих мальчиков к себе на колени и принялся расспрашивать о делах. Альпин, отвыкший от него, надулся и молчал, а Ангус пытался подражать любезным ответам взрослых. Потом Альпина заинтересовало ожерелье деда: одна из подвесок представляла собой фигурку дельфина, усыпанную сапфирами. Малыш стиснул ее в пухлом кулачке и стал играть, воображая, что дельфин плывет по волнам.

– Мне кажется или ты чем-то озабочена? – спросил Лиран у дочери.

– Да как сказать... – Морна машинально взялась за свой большой живот. – Вроде все хорошо. Но говорят о войне...

– О ней говорят, сколько я себя помню, – рассмеялся Лиран.

Когда он смеялся, то становился очень привлекательным, не зря про его романтические похождения до сих пор сочиняли баллады.

– Кстати, как у тебя наладилось с миледи Воронов? – спросил Лиран.

Морна опустила глаза.

– Пока она меня не навещала. Я видела ее только на пиру, когда она приехала, но сидела далеко и рано ушла, мне сейчас тяжело пиры выносить.

– Это плохо, – помрачнел Лиран, поглаживая пыхтящего Альпина по голове. – Миледи Воронов ничего не делает просто так. Значит, не простила сыну женитьбы.

– Отец, не говори так, мне страшно.

Морна побледнела.

– Я сам побеседую с миледи. – Отец сжал ее руку. – Сегодня мы все отправляемся на королевскую охоту, и миледи выразила желание ехать с нами. Там я найду удобный случай и постараюсь с ней примириться.

– Я ее боюсь, – призналась Морна. – Когда я на нее смотрю, у меня мурашки по коже. Как она может так молодо выглядеть в свои-то годы? И этот ее ледяной взгляд...

– Горный воздух известен своими целительными свойствами. – Лиран передал по очереди внуков воспитательнице, поднялся и нежно поцеловал дочь в лоб. – Не беспокойся, я теперь здесь и не уеду, пока не уверюсь, что миледи Воронов настроена мирно.

* * *

Красный и Дикий Ворон стояли в конюшне. Дикому обязательно хотелось лично увидеть, как кузнец проверит подковы у его огромного и злющего серого жеребца. С кузнецом он сцепился в первые же минуты, и теперь они злобно поливали друг друга отборнейшей бранью с таким жаром, что отовсюду сбежались конюхи, чтобы послушать перебранку.

– А ну-ка прикрой свою сточную канаву, дерьма кусок, говенный рот! – костерил кузнеца Дикий Ворон.

– Да чтоб тебе хребет по позвонку рассыпали и не собрали! – разорвался в ответ кузнец. – Да чтоб тебе за такие слова все свои кишки наружу выблевать!

Они так орали, что в конце концов явился начальник конюшни и пригрозил вызвать стражу, если оба не уймутся. В итоге лорд и кузнец расстались неимоверно довольные друг другом. Дикий Ворон оценил мастерство кузнеца и щедро заплатил тому за труды.

– Не возьму в толк, отчего у тебя такая страсть ругаться со всякой деревенщиной, – упрекнул брата Красный. – Охота была позориться на весь дворец.

– Ха, зато как следует отвел душу! – фыркнул Дикий Ворон. – Давно такого ругателя не встречал. Ну и заворачивал он, клянусь нутром нашей матушки! От иных его речей у меня чуть глаза не лопнули. Вот гадюка, умеет завернуть с присыпкой!

– Тише, – вдруг прошипел Красный и низко поклонился.

Мимо них по коридору быстрым шагом шла миледи Воронов в сопровождении Ройле. Лицо миледи сияло от радости, она вся прямо-таки лучилась счастьем и довольством. На ходу кивнув сыновьям, она быстро скрылась за углом.

– Ты видал? – опешил Дикий. – Что это с ней? Последней раз я ее видел такой довольной, когда на пожаре сгорела сестра нашего отца, храни Небеса его надзвездные дороги.

– Нет, тут другое, – пристально глядя вслед миледи, щипал себя за нижнюю губу Красный. – Сдается мне, нашей маменьке кто-то хорошенько почесал там, где давно у нее чесалось.

– Да иди ты! – во все глаза уставился на него Дикий. – Быть того не может! Она же мужчин ненавидит, как собака палку!

– Видать, для кого-то во дворце решила сделать исключение, – сильно оттянул губу Красный Ворон. – Поверь, я в таких делах разбираюсь. Провела наша миледи сегодня веселую

ночку. А судя по походке, кто-то славно на ней проскакал нынче все равно что туда-обратно отсюда и до городских ворот.

– И кто же это может быть? – усомнился Дикий. – Не могу я в это поверить, хоть тресни.

– Можно выяснить сегодня вечером, если прийти к ней вроде как по делу, – сверкнул глазами Красный.

Что братья и исполнили, явившись к покоям матери за полчаса до полуночи. У дверей стоял Ройле. Завидев его, братья переглянулись.

– У нас дело к миледи, – выступил вперед Красный.

– Она уже спит, – коротко ответил Ройле.

– Но нам надо ее срочно увидеть! – потребовал Дикий.

– Она ничего такого не говорила, – ответил Ройле. – Наоборот, сказала, чтобы ее не тревожили.

– Ты разговариваешь с двумя высокородными, – надменно напомнил Красный. – А это покои нашей матери, которую нам надо срочно видеть.

– Она ничего такого не говорила, – повторил Ройле.

– Я тебя сейчас располосую, как свинью, – со злостью процедил сквозь зубы Дикий Ворон и вытащил охотничий кинжал, острый, блестящий и тяжелый.

– Попробуйте, – предложил Ройле, не двигаясь с места, и зевнул.

– Стой, – остановил брата Красный Ворон. – Не нужно устраивать семейных сцен во дворце. С деревенщиной разберемся потом. А завтра расскажем все миледи. Не думаю, что ей это понравится.

Братья развернулись и ушли, причем Дикий ругался последними словами себе под нос и грозил Ройле жестокой расправой. Некоторое время стояла тишина, а потом скрипнула дверь и из покоев выглянула миледи Воронов.

– Убрались они наконец? – шепотом спросила она.

Ройле молча кивнул, и миледи быстро схватила его за пояс, дернув на себя. Ройле подхватил ее на руки, захлопнув за собой дверь.

Больше они ни о чем не думали: все смешалось в полумраке, полном вздохов, приглушенных стонов и шелеста одежды. Ройле удерживал миледи на весу, прижимая ее к стене. Она обвила его шею руками и тяжело дышала, извиваясь и выгибая спину. Ройле быстро и ловко распутал платье, прижал охнувшую миледи к себе и поцеловал, вздрагивая от возбуждения.

Миледи мычала ему в рот, все теснее сдавливая парня ногами и руками. Ройле старался сдерживаться, но все равно за те несколько минут, которые они жадно ласкали друг друга, ее спина, ударявшаяся о стену, превратилась в сплошной синяк. У миледи Воронов была на редкость нежная кожа.

Когда Ройле вскрикнул, вжимаясь в разнеженную миледи, она притянула его голову к себе на грудь, и некоторое время он просто держал ее на весу. Ройле внюхивался в опьяняющий запах волос, чуть задевая их носом, и от этого у него легко кружилась голова, а по губам расплзалась улыбка. Потом миледи сползла на столик, стоявший у стены, и облизнула покрасневшие губы.

Ройле опустился перед ней на колени, осторожно взял изящную маленькую ножку, прижал к своей щеке и нежно поцеловал, глядя на миледи снизу вверх полными немомго обожания глазами. Он смотрел на нее, словно на видение из волшебного сна, которое вот-вот истает с первыми лучами рассвета.

– Ты любишь меня? – спросила миледи, слегка прикусив губу и проводя пальцами ноги по губам Ройле.

– Так, что сердце лопается, – выдохнул тот сильным голосом.

– А на что ты готов ради меня?

Миледи наклонилась вперед, так, что ее обнаженные белоснежные груди оказались у Ройле прямо перед глазами.

– На все, – глухо ответил тот. – Скажешь на меч броситься – прямо сейчас брошусь.

– А убить человека ради меня сможешь?

Миледи подалась еще ниже, и теперь ее дыхание щекотало Ройле губы и лицо.

– Любого, на кого укажешь.

Ройле смотрел на нее преданным, как у собаки, взглядом, в котором было столько эмоций, что у миледи невольно пробежал по спине холодок.

– Даже если правда будет не на моей стороне? – прошептала миледи и провела прохладными пальцами по его лицу. Пальцы замерли на губах.

– Для меня всегда будет только одна правда – твои желания, – хрипло ответил Ройле. – Можешь считать меня своей собакой, дрессированным медведем, троллем, который исполняет все твои повеления. Я весь твой, потому что ты подарила мне так много, что не расплатиться до конца жизни.

– Но ты же понимаешь, кто я? – Миледи осторожно поцеловала его, прикрывая глаза. – Знаешь, какое у меня сердце и что может случиться с тобой?

– Знаю, но это не имеет никакого значения, – ответил Ройле, ловя ее губы.

Миледи соскользнула со стола, и они снова сплелись в жарких объятиях, теперь уже на полу.

Глава 11

Большая королевская охота отъезжала от дворца за два часа до рассвета. Всего собралось около ста пятидесяти человек одних только придворных, не считая охотников, загонщиков и псарей.

Среди охотников были женщины, одетые в темные укороченные платья и сидящие в седлах по-мужски. Между ними находилась и миледи Воронов. Она ловко управлялась со своим вороным и даже в буро-зеленом одеянии и охотничьей шапочке без полей выглядела неотразимо. Ройле шел пешком, стараясь держаться рядом с ее меринком. Нес арбалет и стрелы своей госпожи.

Старший Ворон подъехал к матери и пустил жеребца шагом. Конь всхрапывал и косился на мерина, норовя укусить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.